

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

16+

КРЫМСКИЙ ИЗЛОМ -6

Юлия Маркова
Освободительный поход

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Маркова Ю. В.

Освободительный поход / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5321-0725-0

Выиграв главное летнее сражение 1942 года, советское командование продолжает улучшать стратегическое положение Красной Армии. Развивая успех, снова рассекает вражескую оборону механизированные корпуса, на чужих берегах высаживаются стратегические десанты, линия фронта стремительно откатывается к границам СССР, а дальняя авиация наносит сокрушительные удары по глубоким тылам противника. Но главная интрига впереди. До каких глубин грехопадения может дойти верхушка Третьего Рейха в тщетных попытках избежать окончательного разгрома?

ISBN 978-5-5321-0725-0

© Маркова Ю. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 21-я. Осеннее затишье	5
Часть 22-я. Тень inferно	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 21-я. Осеннее затишье

23 августа 1942 года, Раннее утро. Таллин, внешний рейд.

Линкор «Октябрьская Революция», в девичестве «Гангут».

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц стоял на мостике линкора «Октябрьская революция» и смотрел на север. Там, в пятидесяти милях отсюда, на другом берегу Финского залива, лежал город Хельсинки, ныне столица независимой Финской Республики, а в прошлом база русского императорского флота Гельсингфорс. После того как Финляндия вступила в войну против СССР и финская армия захватила Советскую Карелию, а также приняла участие в людоедской блокаде Ленинграда, а особенно после того, как в эту войну вступили потомки с их знанием дальнейших событий, будущего у независимой буржуазной Финляндии не было. Ошибка, сделанная Лениным в восемнадцатом году, подлежала исправлению, и заняться этим предстояло корпусу морской пехоты особого назначения под командованием Василия Чуйкова.

Отозванный из Китая, где он последние два года работал военным советником, сорокадвухлетний генерал-лейтенант получил назначение на должность командующего корпусом морской пехоты особого назначения (по аналогии с механизированными корпусами ОСНАЗ), состоявшим из четырех механизированных и двух штурмовых бригад морской пехоты, одной гаубичной, одной противотанковой и одной зенитной артиллерийских бригад. Как и остальные соединения ОСНАЗ, Корпус морской пехоты предназначался для осуществления стратегических десантных операций и подчинялся напрямую Ставке, а следовательно, лично товарищу Сталину. В настоящий момент Первая штурмовая бригада этого корпуса на полуострове Хартюмаа закончила погрузку на водолеты, и они уже выходили в море.

Адмирал поежился. На этих стремительных суденышках, не признающих ни земли, ни грязи, ни морских мин, ни подводных камней, служили отчаянные парни, которые плевали на опасность; они верили только в свои силы, технику, ну и еще в товарища Сталина. Ведь он, адмирал Трибуц, не поверил – и поставил на перспективном проекте жирный крест. А нарком Берия что-то услышал, разнюхал и выкопал этого Левкова, представив проект товарищу Сталину на блюдечке с голубой каемочкой. Теперь он – гениальный управленец, почти провидец, а Трибуц – отсталый ретроград, нанесший ущерб обороноспособности СССР. У Хозяина хорошая память, и если командующий Балтийским флотом проколется еще на чем-то, эту историю тоже подошьют в уголовное дело. Так уж устроена жизнь, что отвечать приходится за все.

Возможно, так случилось потому, что в качестве торпедных катеров эти изделия и в самом деле были бесперспективны. Флоту же никто до войны не ставил задачу высадки стратегических морских десантов. А если и ставил, то только так, как сорок лет назад японцы высаживались в бухте Бицзыво... На такой способ высадки десантов была рассчитана и противодесантная оборона большинства европейских (и не только) стран. А вот то, что сейчас собирались проделать морские пехотинцы Чуйкова, было из разряда новаторства, можно даже сказать, лихачества.

Адмирал поднял к глазам бинокль. В сером свете наступающего утра стали отчетливо видны многочисленные движущиеся белые черточки: то груженные катера на воздушной подушке, отрываясь от эстонского берега, уходили на север. Операция «Вега» началась.

* * *

Примерно тридцать минут спустя. Хельсинки.

В это ранее воскресное утро, несмотря на то, что Красная армия и Балтийский флот находились всего в девяносто километрах к югу, столица буржуазной финской республики мирно спала, надежно укрытая береговыми батареями крепости Суоменлинна (бывший Свеаборг), минными полями и своей репутацией неприступной твердыни. Но все в жизни относительно, и год на дворе стоял не тридцать девятый и не сорок первый. Появившиеся в воздухе над Хельсинки пикировщики Пе-2 и Ту-2 первого бомбардировочного авиакорпуса ОСНАЗ генерал-майора Полбина для хельсинских обывателей оказались неприятным сюрпризом.

Но, собственно, обывателям от этого визита как раз не было ни холодно ни жарко, потому что две бомбардировочные дивизии, летчики которых были обучены работать с глубокого пикирования, имели целью не сам город, а крепость Суоменлинна и разбросанные вокруг береговые батареи. Почти одновременно с пикировщиками к Хельсинки подошли несколько полков штурмовиков Ил-2. Действуя на бреющем полете, они приступили к подавлению зенитных батарей в самой крепости и черте города. При этом несколько десятков бипланов «Бристоль-Бульдог», поставленные англичанами еще во время той Зимней войны, были тут же связаны боем истребителями сопровождения. Поэтому помешать советским бомбардировщикам и штурмовикам финны не могли, и те по своим целям работали как на учениях.

Завалив свою «тушку» в глубокое пикирование, генерал Полбин поймал в перекрестье бомбового прицела форт еще дореволюционной постройки и откинул предохранительную скобу с гашетки сброса бомбы. Бомба была бетонобойной и весила ровно тонну, с коэффициентом наполнения взрывчаткой пятьдесят процентов. Она имела три независимых взрывателя, выставленных на большую задержку. Дело в том, что форт, который атаковал пикирующий бомбардировщик Полбина, и «до без царя», и в революцию, и при финских националистах служил складом для хранения запасов минного пироксилина и снаряженных якорных мин.

Бумкнуть должно было неслабо; силу взрыва, в лучших традициях ядерного века, следовало бы измерять в килотоннах. И хорошо, если бы в этот момент поблизости от крепости в частности и Хельсинки вообще в воздухе не было ни одного советского самолета (которые должны успеть улететь), а в море – ни одного катера на воздушной подушке, потому что их время наступит позже. Для гарантии этот форт такими специальными бомбами обрабатывала вся ведущая девятка «тушек» с расчетом на то, что хотя бы одна из них сработает там, где надо и так, как следует.

Остальные бомбардировщики были нацелены каждый на свою цель: береговые батареи, финские подводные лодки и канонерки, стоящие у причала, а также базирующиеся в крепости немецкие торпедные катера. Работали бомбами крупных калибров, действуя с одного захода, иного не предусматривал темпоритм операции. По плану вторая волна пикировщиков и штурмовиков появится в воздухе как раз в тот момент, когда в город ворвется советский десант, чтобы работать по заявкам морской пехоты, бомбоштурмовыми ударами расчищая ей путь в сердце вражеской столицы.

Но это после; а пока советские бомбардировщики, поприветствовав гостеприимных хозяев воем сирен, обрушили свой бомбовый груз на инфраструктуру береговой обороны Хельсинки, что-то там повредив, что-то частично разрушив, а что-то разнеся в мелкие дребезги прямыми попаданиями. После этого они собрались в журавлиный клин и отправились на свои аэродромы, которые были рядом, в соседней Эстонии. Там их уже ждали техники-вооруженцы и терриконы приготовленных бомб.

Вслед за пикировщиками засобирались домой и штурмовики, которые только что объясняли финским зенитчикам, как это нехорошо – мешать людям делать свое дело. Едва небо над Хельсинки очистилось и финны вздохнули с облегчением (так как потери не были слишком большими), как земля дрогнула и над островом Куустаанмиекка (Инженерный) встал столб черного дыма вперемешку с огнем и летящими во все стороны каменными блоками. Большую часть из уцелевшего во время налета финского гарнизона крепости контузило или убило,

базирувавшаяся в крепости немецкая катерная флотилия, и так понесшая немалые потери при налете, была уничтожена, а техника, орудия и прочее оборудование, базирующееся на ближних островах, вышли из строя. И в придачу ко всему почти во всем Хельсинки вылетели стекла, а черепичные крыши в припортовых районах изрядно пострадали из-за падающих с неба камней.

А на горизонте, на серой глади моря, уже показалось множество идущих на полном ходу белых точек. Это к деморализованному и полуразрушенному Хельсинки шли катера на воздушной подушке, неся советский морской десант.

* * *

23 августа 1942 года, 08:05. Хельсинки, морской порт и окрестности.

Командир гвардейской, ордена Ленина, штурмовой бригады морской пехоты ОСНАЗ гвардии полковник Василий Филиппович Маргелов.

Ревущие авиационными моторами десятки советских СВП приближались к берегу, стремительные, словно гоночные автомобили. Из-под резиновой юбки выхлестывало белую пену. Тугой ветер бил в лицо, раздирая раскрытый в яростном крике рот; он выжимал из незащищенных глаз слезы, не давая смотреть вперед. Поэтому экипаж СВП, пулеметчики на вертлюжных установках, а также командиры десанта использовали имеющиеся среди прочего оснащения авиационные очки-консервы, а рядовые бойцы просто прикрывали лица рукавами бушлатов.

Но, несмотря на это маленькое неудобство, недовольства никто не испытывал. Опытные бойцы понимали, что из-за огромной скорости – порядка семидесяти узлов – финские береговые батареи не сумеют в них даже прицелиться, а не то чтобы попасть. К тому же СВП, быстро снующие между плацдармом и местом погрузки десанта, способны обеспечить быструю доставку подкреплений для первой волны, а также подвезти боеприпасы (которых в бою много никогда не бывает), эвакуировать в тыл раненых и взятых в плен особо важных персон.

Впереди, чуть вправо по курсу, в небо поднимался огромный черный гриб. В бинокль было видно, как кипит вода от падающих сверху камней. Полковник Маргелов усмехнулся. Ровно полгода назад он, тогда еще на летающей винтокрылой технике потомков, участвовал в своей первой десантной операции, характеризующейся такой же невероятной наглостью и стремительностью. Та операция принесла ему легкое осколочное ранение в плечо, звание гвардии полковника и Звезду Героя Советского Союза, а его морской лыжный батальон был развернут в штурмовую бригаду морской пехоты особого назначения и включен в корпус генерал-лейтенанта Чуйкова.

Полковник Маргелов даже собирался подать рапорт о переводе в механизированную пехоту мехкорпусов ОСНАЗ – уж очень ему хотелось научиться стремительно врываться в боевые порядки врага и захватывать особо важные объекты в глубине его обороны. Но судьба и товарищ Сталин решили по-своему, и Василий Маргелов о другом варианте своей службы ни капли не сожалел. Он сможет доказать, что десантный ОСНАЗ ничуть не хуже механизированного и тоже может проводить наступательные операции.

Эта операция готовилась больше четырех месяцев, с середины апреля; отработывалось как десантирование с СВП на вражеский берег, так и рывок вглубь территории противника, результатом которого должен стать захват ключевых объектов на побережье. На полигонах во время отработки учебных задач бойцами и их командирами оттачивались каждое движение и каждый жест. Но все же настоящий десант – это совсем другое. Правда, бойцы в бригаде все обстрелянные, с опытом обороны Ленинграда и прорыва Блокады, сражавшиеся с врагом и выжившие в первые, самые тяжелые полгода войны. Выстояв в тех ожесточенных схватках, теперь они шли в бой, чтобы нанести финнам внезапный удар в самое сердце и поставить

жирную точку в войне с буржуазной Финляндией, исправив тем самым ошибку, допущенную четверть века назад.

Пока шла учеба, осваивалась новейшая техника, создавалась тактика и даже философия глубокого десантирования, где-то далеко на юге гремели, возможно, решающие сражения этой войны, и самые нетерпеливые бойцы и командиры писали рапорта с просьбой отправить их на фронт. Но командование отвечало: «Ваш фронт здесь» и приказывало как следует заниматься боевой учебой. Их ждали бои и победы – не меньшие, чем у их собратьев из механизированного ОСНАЗа.

Оставив по правому борту огромный дымный гриб, поднявшийся над полуразрушенной и приведенной к молчанию крепостью Суоменлинна, груженные десантом СВП, маневрируя между небольшими островами, сбросив скорость, подошли к городской набережной на всем ее протяжении между грузовым и товарным портом.

Далее СВП разделились. Часть из них тут же, прямо в районе набережной, приступила к высадке десанта и выгрузке средств его усиления, а остальные (примерно половина всех малых катеров) прямо по городским улицам, расталкивая дугами-кенгурятниками немногочисленные автомобили, продолжили двигаться вглубь города, чтобы захватить ключевые позиции.

Финские водители, ошарашенные этим зрелищем, от греха подальше прижимались к обочинам, спасаясь от опоясанных резиновыми юбками воющих чудовищ, забитых вооруженными до зубов бойцами в чужой военной форме, с размалеванными боевым гримом лицами.

К такому способу ведения боевых действий береговая оборона финской столицы готова не была. Основной расчет командование делало на густое минирование фарватеров, подводные противодесантные препятствия и береговые батареи крепости (оставшиеся еще с царских времен), которые были призваны воспрепятствовать подходу к берегу кораблей с десантом противника.

Но советская сторона действовала дерзко, решительно, с применением новейших приемов ведения боевых действий. Береговая оборона Хельсинки оказалась против них бессильна... Благодаря внезапности немногочисленный гарнизон финской столицы удалось захватить врасплох. К тому же большая его часть – та, которая дислоцировалась в крепости Суоменлинна (ныне полностью разрушенной) – теперь могла жаловаться на свою несчастную судьбу только самому Святому Петру.

Силы штурмовой бригады полковника Маргелова разделились напополам. Четыре батальона вместе со средствами усиления высаживались на набережных, а еще столько же выдвигались для захвата центра города, железнодорожного вокзала и перешейка между озером Теолёнлахти и Финским заливом, гарантирующего устойчивую оборону. Двести быстроходных СВП одновременно перебросили в центр вражеской столицы четыре с половиной тысячи советских морских пехотинцев, вооруженных штурмовыми пистолетами-пулеметами, первыми автоматами АК-42, едиными пулеметами (клонами ПК), 82-мм минометами, ручными гранатометами и огнеметами. В качестве средств усиления бригада имела восемнадцать орудий ЗиС-3, столько же 120-мм минометов, шесть зенитных самоходок и шесть 122-мм самоходных орудий.

Этих сил хватало для того, чтобы захватить особо важный стратегический объект в оперативном тылу противника и удерживать его до подхода подкреплений, или с шумом и грохотом совершить рейд по вражеским тылам. При этом для буксировки пушек ЗиС-3 и 120-мм минометов предполагалось использовать транспортные средства вроде грузовиков или упряжек лошадей, взятые в качестве трофеев у вражеской армии или реквизированных у местного населения.

Личный состав штурмовой бригады полковника Маргелова по большей части комплектовался бойцами и командирами, которые либо сами обороняли блокадный Ленинград, либо имели там близких родственников. Мотивации драться с теми, кто держал их родной город в блокаде, у этих парней было достаточно. Их боевой дух был очень высок, а подготовка, воору-

жение и личная экипировка были лучшими из всех возможных. По счастью для самих же финнов, сопротивление гарнизона оказалось слабым, а местное население, напуганное внезапностью вторжения и силой удара, впало в ступор и в отношении советских морских пехотинцев вело себя почти лояльно.

Что же касается официальных финских властей, то до определенного момента они никак себя не проявляли, поскольку большая часть депутатов парламента и членов правительства, включая президента Рюти, оказалась на территории, захваченной советскими морскими пехотинцами, и теперь перешла на нелегальное положение.

* * *

27 августа 1942 года, Вечер. Финляндия.

За прошедшие четыре дня положение воюющей Финляндии ухудшилось до катастрофического состояния. Морской десант, свалившийся словно снег на голову, и захват Хельсинки утром двадцать третьего августа не оставил стране и армии ни единого шанса на спасение. Совсем недавно, всего месяц-два назад, Советы сумели разгромить и уничтожить двухмиллионную немецкую группу армий «Юг» и выбить из войны Румынию с Болгарией, переведя боевые действия на территорию противника. Правда, когда пал Хельсинки, у финского руководства еще оставалась возможность с минимальными потерями вывести страну из войны. Надо было просто сдаться на милость победителя и не затягивать бессмысленное сопротивление, спасая тем самым жизни солдат и мирного населения. Но после падения столицы, гибели или пленения большей части законодательной и исполнительной власти, Финская Республика, как курица с отрубленной головой, потеряла возможность совершать какие-либо осмысленные действия.

Единственным из высшего финского руководства, кто не погиб и не попал в плен, был главнокомандующий финской армии фельдмаршал барон Карл Густав Маннергейм, находившийся в то утро не в Хельсинки, в своем особняке на Каллиолин-нантие, а в загородном имении Геркнес Горд в нескольких километрах от столицы. Как высшее должностное лицо Финляндии, избежавшее гибели или пленения, этот человек принял на себя еще и обязанности главы государства.

Стремительность и внезапность Гельсингфорской десантной операции, а также отсутствие выживших свидетелей тех событий не позволило маршалу Маннергейму получить достоверные сведения о том, как произошел захват столицы Финляндии. Приходилось пользоваться слухами и вымыслами. У маршала уже сложилось мнение о боеспособности русской армии, составленное им по опыту «зимней войны», и потому он пребывал в уверенности, что русский десант при высадке понес огромные потери от действий финской береговой обороны, а также и в уличных боях с гарнизоном Хельсинки. Маннергейм принялся лихорадочно снимать войска с советско-финского фронта и перебрасывать их на запад по железной дороге, чтобы одним решительным ударом восстановить статус-кво.

Но к моменту, когда этот приказ начал исполняться (то есть вечером двадцать третьего числа) на плацдарме в районе Хельсинки находился уже весь корпус морской пехоты генерал-лейтенанта Чуйкова вместе со средствами усиления, а территория, занятая советскими войсками, расширилась до девяти километров в глубину и шестнадцати по фронту. Выполнив свою задачу, СВП последний раз заправились под пробку и своим ходом убыли в Кронштадт, где их ждала очередная работа по освобождению Советской Карелии – если, конечно, Финляндия не капитулирует раньше.

Одновременно тральщики Балтфлота заканчивали расчистку фарватеров. С утра двадцать четвертого августа на плацдарм мобилизованными транспортными судами (в том числе и теми, что удалось захватить у причалов в самом Хельсинки) начнут прибывать части 44-

й армии под командованием генерал-лейтенанта Ивана Ефимовича Петрова. Генерал Петров был известен по командованию Отдельной Приморской армией, оборонявшей Севастополь против превосходящих сил врага. Таким образом, в течение трех дней с момента начала переброски армии в придачу к корпусу морской пехоты ожидалось прибытие еще пяти полнокровных стрелковых дивизий РККА и части усиления армейского подчинения.

Утром двадцать четвертого августа ситуация для финнов существенно ухудшилась – снятые с фронта и выведенные из резерва финские войска подверглись массивным бомбовым ударам прямо на станциях погрузки и во время движения. Удары авиацией с массовым применением напалма, кассетных и объемно-детонирующих бомб последовали по Выборгу (Виипури), Каменногорску (Антреа), Имастре, Сортавале и Суоярви. Кроме того, в течение дня авиаудары наносились и по узловым станциям в глубине финской обороны на полпути между Хельсинки и Карелией: Коуволла и Лахти. Так, на станцию Коуволла с бомбардировщика Пе-8 упала советская реплика объемно-детонирующей авиабомбы ОДАБ-5000, взрыв которой на несколько суток вывел станцию из строя, чем поставил под вопрос возможность переброски на запад по железной дороге снимаемых с фронта контингентов.

Воздушные налеты на железнодорожные станции и переброска стрелковых дивизий на Гельсингфорский плацдарм продолжилась и двадцать пятого августа. А двадцать шестого, на рассвете, загремела советская тяжелая артиллерия на Карельском перешейке. Это не было обычное наступление с массовыми самоубийственными атаками пехоты через пристрелянное пулеметами пространство. Местоположение финских дотов, окопов пехотного заполнения и командных бункеров было известно с точностью до сантиметра – спасибо разведывательной аппаратуре из будущего – и огонь по этим объектам вели исключительно крупнокалиберные орудия и системы особой мощности, использовавшие самые современные боеприпасы.

В то время как 122-мм и 152-мм гаубицы и пушки-гаубицы, а также минометы М-160 разрушали окопы и подавляли вражескую пехоту, гаубицы особой мощности Б-4 и минометы М-240 превращали в щебенку доты и бункеры. Применялись также установки БМ-31, но уже со снарядами в классическом сочетании термобарических, зажигательных и фугасных боевых частей, тем более что делали их тут же, в Ленинграде. Термобарические и зажигательные снаряды выпускались по врагу и минометы М-240. Как только очередной узел обороны подавлялся, в атаку шли саперно-штурмовые батальоны, вручную «устранявшие недоделки».

Задача атакующих частей была такова – не только прорвать фронт белофиннов и принудить их к безоговорочной капитуляции, но и испытать в полевых условиях предложенные потомками новые виды артиллерийских вооружений и боеприпасов. Именно поэтому в артиллерийские и минометные полки особой мощности, участвовавшие в операции, командировали офицеров ГАУ, задачей которых были учет и контроль по расходу боеприпасов, необходимых для подавления разных типов целей, а также оценка вызванных применением этих боеприпасов разрушений оборонительных сооружений и поражений, полученных неприятельским личным составом.

Уже к вечеру 26 августа оборона IV-го армейского корпуса финской армии была прорвана на участке шириной в пять-семь километров, и в прорыв пошли стрелковые дивизии 21-й армии.

Рано утром 27-го августа началась Выборгская десантная операция. Старт ее ознаменовал массированный авиационный налет по укреплениям противника на островах Выборгского залива. Все это происходило с применением напалмовых и термобарических бомб и огня главных калибров линкоров и крейсеров Балтийского флота по финским береговым батареям в Бьеркском архипелаге. Пока на подступах к Выборгу рвались бомбы и грохотали морские орудия, под прикрытием всего этого концерта более сотни советских судов на воздушной подушке, один раз уже поучаствовавших в Гельсингфорском десанте, совершив глубокий обход обороняющихся финских войск, высадили стратегический морской десант в городе Ви-

пури (Выборг). Таким образом, оказалась перерезана железная дорога, по которой снабжались войска на Карельском перешейке, и захвачены находившиеся на станции Выборга запасы финской карельской армии.

Если бы это была локальная операция, то десант был бы обречен на гибель или эвакуацию, но не все оказалось так просто. Десант и наступающие войска Карельского фронта друг от друга отделяли около девяноста километров и частично восстановленная линия Маннергейма (которой, помимо линии фронта, финны начали заниматься с прошлой осени, когда стало ясно, что блицкриг провалился и не исключено, что Красная Армия вернется). Чем дальше развивались события, тем финнам становилось яснее, что такой вариант не просто вероятен, а неизбежен; потому строительство оборонительных сооружений шло в авральном темпе.

Но, несмотря на это, у финнов на фортификационную возню было не два с половиной года, как в нашей истории, а примерно десять месяцев. Поэтому линии обороны Вамелсу-Тайпеле и Виипури-Купарсааре-Тайпеле были только спроектированы, размечены на местности, но к их фактическому сооружению финские саперы еще не приступали; а линия Салма (последний оборонительный рубеж уже на территории самой Финляндии) и вовсе оказалась лишь карандашной линией на карте.

С учетом потери столицы прорыв линии фронта, осложненный десантом в Выборг и общим соотношением сил (двести тысяч советских солдат против семидесяти тысяч финских) поставил армию страны Суоми в безнадежное положение. В вооружении соотношение сил также было не в пользу финнов: семь тысяч орудий и минометов против восьмисот, шестьсот танков и штурмовых орудий против ста и почти тысяча самолетов против двухсот. Фронт на направлении главного удара 21-й армии рухнул. Одновременно с десантом в Выборге советская группировка в Хельсинки начала наступление на север, в направлении станции Лахти, чтобы перерезать последнюю коммуникацию, обеспечивающую транспортную связность Финляндии. К вечеру 27 августа Маннергейму со всей ясностью открылось, что финская армия потерпела окончательное поражение.

* * *

28 августа 1942 года, Утро. Финляндия, Хельсинки. Маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм.

Для Финляндии война завершилась полным разгромом. Операция, начавшаяся пять дней назад с высадки десанта прямо в столице Финляндии, подошла к логическому завершению. Сражаться финны больше не могли, но и просить о перемирии ценой политических уступок было невозможно, поскольку весь штат финского МИДа оказался на территории, занятой советскими войсками, и был интернирован. Сделать это оказалось необходимо, и как можно скорее, так как финские солдаты и офицеры продолжали гибнуть каждый день, пока шли бои на фронте. Их и так уже слишком много полегло во время «Зимней войны» 1939-40 годов и в 1941-42 годах, во время так называемой «Войны-продолжения». Наиболее существенные потери финская армия понесла в последние несколько месяцев¹.

¹ Дело в том, что развитие событий в обоих мирах отличалось тем, что в основном варианте операция по принуждению Финляндии к миру проводилась в преддверии генерального наступления в Белоруссии (операции «Багратион») и была ограничена как по срокам, так и по масштабу. В этом же варианте руки у маршала Говорова были развязаны, ибо группа армий «Юг» была уже разгромлена, а группой армий «Центр» предполагалось заняться во время зимней кампании. К тому же захват Хельсинки в самом начале операции как бы намекал на бессмысленность сопротивления. Кроме того, в основном варианте истории советским войскам на Карельском перешейке пришлось прорывать четыре укрепленные линии обороны, а не полторы, как в этом мире. В основном варианте немецкие дивизии присутствовали на территории Финляндии до самого конца боевых действий, а в этом варианте их отозвали уже в конце июля. Да и сама операция в основном варианте протекала намного тяжелей, поддержки авиацией и артиллерией наступающим войскам было меньше, а сопротивление противника было ожесточенней. В данном варианте, благодаря тому, что на других фронтах наступила оперативная пауза для накопления резервов и

Своей цели советские войска добились, к утру двадцать восьмого августа остатки финской армии были на грани безоговорочной капитуляции и самодемобилизации. О том, как это бывает, маршал Маннергейм прекрасно знал по 1917 году. Еще несколько дней – и он сможет начать переговоры как частное лицо. А может, и вообще с ним никто не захочет разговаривать, потому что русские продолжают наступать, а помощи финнам ждать неоткуда. Немцы помочь не в состоянии, Британия и Франция уже не игроки на политическом поле, а США не будут заступаться за Финляндию, находящуюся в составе враждебного им блока. Да к тому же у янки и своих проблем пруд пруди.

Переговоры о перемирии, или хотя бы о почетной капитуляции, вести все равно надо, хотя, честно сказать, вести их просто некому. Нет такого человека в распоряжении Маннергейма, и не предвидится. Похоже, ему придется вспомнить, что и он когда-то служил в русской армии и общался с сослуживцами на великом и могучем русском языке.

Но к кому идти? К генерал-лейтенанту Говорову на Карельском перешейке добираться далеко и неудобно. С учетом бомбовых ударов по коммуникациям прибыть в штаб Карельского фронта удастся лишь тогда, когда останется только сдать оружие и под конвоем отправиться в Москву. Да и невместно сие было, ведь Говоров по старой службе – прапорщик военного времени, а он, Маннергейм, целый генерал-лейтенант. Правда, те русские, что сейчас находятся в Хельсинки, ничуть не лучше – по старой службе командующий 44-й армией генерал-лейтенант Петров тоже пребывал в чине прапорщика, как и Говоров, а командир Корпуса морской пехоты Особого назначения генерал-лейтенант Чуйков в семнадцатом и вовсе был флотским юнгой, то есть имел статус даже ниже нижнего чина².

Но у генералов Чуйкова и Петрова перед генералом Говоровым было одно – нет, два – неоспоримых преимущества. Во-первых, они находились значительно ближе, чем Говоров, чей штаб совсем недавно перебрался в поселок Кивеннапа (современное Первомайское), до которого маршалу пришлось бы добираться двести шестьдесят километров по разбитым проселочным дорогам, в то время как до центра Хельсинки ехать не более сорока километров. Во-вторых, генерал-лейтенант Чуйков командовал Корпусом Особого назначения, и род войск тут был не важен, поскольку Маннергейм знал, что все корпуса Особого назначения находятся в непосредственном подчинении Ставки Верховного Главнокомандования, а следовательно, лично у Сталина. И докладывать обо всем Чуйков тоже должен на самый верх, советскому вождю.

Решено – он едет в Хельсинки. Трусом Маннергейм никогда не был, тем более что глупо бояться смерти в семьдесят пять лет, когда каждый день может оказаться последним, так сказать, по естественным причинам. Оторвется тромб и все – передавай привет Святому Петру.

Вызвав к себе своего немолодого шофера, Маннергейм долго объяснял ему маршрут, которым они поедут, чтобы не нарваться на шальную пулю, выпущенную каким-нибудь слишком нервным солдатиком. Потом на машину водрузили белый флаг, адъютант сел на переднее сиденье, Маннергейм с достоинством опустил на заднее, и они, непрерывно сигналив, поехали по дороге в сторону Хельсинки.

К позициям советских войск у расположенного на берегу Финского залива поселка Свартбякк по приморской дороге со стороны поселка Порво медленно подъехал роскошный генеральский «Хорьх» под белым флагом. Этот самый «Хорьх» два месяца Маннергейм полу-

пополнения запасов, вся артиллерия РВГК и все силы стратегической авиации нацелились на Финское направление. Мощь их ударов сковывала финнам маневр резервами, разрушала оборонительные сооружения и нарушала транспортные коммуникации. В результате воля к сопротивлению у финских солдат и офицеров стала иссякать, и они были готовы пойти на безоговорочную капитуляцию, лишь бы поскорее прекратился этот ад.

² Была после семнадцатого года у бывших офицеров русской императорской армии такая слабость – меряться шишками насчет последнего чина и должности в царской армии. Как будто все звания и чины, которые они получали в Белой армии и армиях государств-лимитрофов, являлись чем-то фальшивым и ненастоящим.

чил от Гитлера в подарок на свое семидесятипятилетие. Эх, знал бы фюрер Германской нации, к кому его верный сателлит поехал на подаренной им ВИП-машине...

Передовой дозор советской морской пехоты из состава штурмовой бригады полковника Маргелова, мягко выражаясь, слегка прибалдел, когда увидел, что их сторону катит германская генеральская машинка, а внутри нее кто-то донельзя важный, за которого, если поймать его живьем, дадут даже не медаль, а орден и поездку домой на десять дней. И поэтому – слава товарищу Сталину! – у мичмана (старшины) Ивана Маштракова хватило терпения не швырнуть под колесо «Хорьха» противотанковую гранату, а тихо и спокойно появиться в своем маскхалате из придорожного кустарника, постучать концом автоматного ствола в боковое стекло подъехавшего «Хорьха» и вежливо сказать с рязанским акцентом: «Хенде хох, фрицы».

Услышав это распоряжение и увидев за стеклом широкую среднерусскую морду, размазанную зелеными и черными полосами, водитель «Хорьха» чуть было не обгадился прямо под себя, а адъютант вскинул вверх руки и забормотал молитвы. Но маршал Маннергейм приоткрыл заднюю правую дверцу машины и негромко сказал на русском языке:

– Солдат, подойди, пожалуйста, ко мне!

Мичман переключил свое внимание на нового персонажа и, направив на него автомат, спросил:

– А ты кто такой будешь, дядя, чтобы мне здесь указывать? Вылезай из машины и задирай вверх руки. Кончилось двое время, фашистская твоя морда!

– Я, – ответил Маннергейм, медленно и с достоинством выполняя распоряжение, – маршал Финляндии и исполняющий обязанности президента Карл Густав Маннергейм, и я требую, чтобы меня доставили к самому старшему вашему командиру, генералу Чуйкову³...

Час спустя к объединенному штабу Корпуса морской пехоты Особого назначения и 44-й армии, расположенному в бывшем Морском собрании Гельсингфорса, подъехал тот самый «Хорьх» Маннергейма в сопровождении двух советских бронетранспортеров. Машины остановились; прыгнувшие с брони парни в камуфляже подождали, пока из шикарной, блистающей черным лаком и никелем машины выберется маршал Финляндии. Затем его повели его туда, где находились оба советских генерала, командовавших Хельсинской группировкой, и еще один человек, пришедший в этот мир из будущего. А вот для Маннергейма, которого в этот момент вели вверх по лестнице мрачные мускулистые головорезы, возглавляемые политруком бригады, это был своего рода путь на Голгофу.

Высокая дверь из мореного дуба распахнулась, и в кабинете барон увидел двух военных в полевом камуфляже с тремя генерал-лейтенантскими звездами в петлицах. Тут же, в кабинете, находился еще один офицер в чине полковника, сразу посмотревший на Маннергейма таким взглядом, что тому стало не по себе. На мгновение маршалу показалось, что на него холодно и оценивающе смотрит сама История. Это был полковник Гордеев, главный сталинский инструктор-диверсант, лично принимавший участие в спасении английского короля Георга; он же пришелец из будущего и майор СПН ГРУ РФ. В настоящий момент полковник состоял при генерале Чуйкове в должности инструктора по стратегическим десантным операциям. Так сказать, последний вывозной полет в реальных боевых условиях.

В ответ на просьбу Маннергейма о заключении перемирия Чуйков удивленно хмыкнул и посмотрел на генерала Петрова и полковника Гордеева, словно спрашивая совета.

– Никакого перемирия, Василий Иванович, – негромко произнес полковник Гордеев на безмолвный вопрос Чуйкова, – только безоговорочная капитуляция. Преступный националистический режим подлежит ликвидации, а его руководители должны понести заслужен-

³ Видимо, это перст судьбы. Казалось, авторы полностью лишили Василия Ивановича возможности принять капитуляцию генерала Паулюса в Сталинграде. И вот, пожалуйста – развитие ситуации приводит к тому, что в качестве равноценной замены к нему в плен попадает маршал Маннергейм. Так или иначе, но от судьбы не уйдешь.

ное наказание за свои преступления – как в период Гражданской войны, так и в период нападения на СССР в сорок первом году. Не стоит забывать и о блокаде Ленинграда, в которой активно участвовали финские войска. Только безоговорочная капитуляция сможет смягчить вину военных преступников и сохранить им жизнь.

Маннергейм понял, что это катастрофа и что этот человек, безжалостный, как древнеримская богиня Немезида, только что произнес смертный приговор ему и всему финскому руководству. Но он находился не в том положении, чтобы торговаться.

– Хорошо, пусть будет так, как вы сказали, – нервно слотнув, ответил он Чуйкову. – Я готов подписать безоговорочную капитуляцию. Но я прошу вас – пощадите финских женщин и детей, они-то ни в чем не виноваты.

– Мы с женщинами и детьми не воюем, – ответил полковник Гордеев с оттенком насмешливого презрения, – в отличие от вас, сразу же устроивших на оккупированной территории Карелии концентрационные лагеря для нефинского населения. Впрочем, с этим еще будет разбираться специальный трибунал, и все виновные получат по заслугам...

* * *

31 августа 1942 года. 12:45. Москва. Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верхний Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин.

Начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский.

Василевский вошел в рабочий кабинет Сталина, и по его бодрому настроению Верховный сразу понял, что сегодня вечером, в последний день календарного лета, в Москве грянет очередной праздничный салют.

– Товарищ Сталин, война с белофиннами закончена, – произнес Василевский, расстелив на столе вождя карту, на которой жирными красными крестами были отмечены капитулировавшие в последние двое суток по приказу Маннергейма финские войсковые группировки. – Обстановка на финском театре военных действий следующая. К настоящему моменту сложили оружие даже те финские войска в Восточной Карелии, которых не затронуло советское наступление на Карельском перешейке и десантная операция в Хельсинки. Наши войска без боя освободили всю оккупированную советскую территорию, включая Петрозаводск. Капитулировали и остатки финского флота в Турку, после чего вся северная часть Балтики оказалась под контролем нашего Балтийского флота.

Про себя Сталин отметил, что пора исправить давнюю ошибку и отозвать акт о предоставлении независимости Финляндии, принятый Лениным в семнадцатом году на волне революционного оптимизма. Ильич считал тогда, что в Финляндии тоже победит социалистическая революция. Но вместо дружественной советской Финляндии прямо под боком у колыбели мировой революции Ленин и Троцкий получили враждебное буржуазное государство. Он, Сталин, тогда был против такого раздаривания территорий бывшей Российской империи, но кто же его тогда слушал.

Или можно поступить еще проще, как уже не раз делалось. Провести выборы под контролем советских войск, в которых, как виновники развязывания войны, не будет участвовать ни одна из тех партий, которые правили бал при буржуазной финской республике. После этих выборов новое правительство Финляндии, несомненно, окажется коммунистическим.

И тогда это новое коммунистическое правительство попросится в состав РСФСР в качестве Финской автономной советской республики. Тут надо все как следует взвесить и решить,

как выгодней поступить. Но это уже работа политиков и дипломатов, а не военных. И обсуждать сейчас с Василевским политические итоги кампании просто не имеет смысла.

Вождь подумал, что в ближайшее время надо собрать на Ближней Даче Молотова, Берия, Мехлиса и еще некоторых персон, чтобы обсудить с ними все возможные варианты. Льва Захаровича, кстати, можно назначить на должность советского наместника в Хельсинки – пусть отделяет мух от котлет, а правых от виноватых.

Единственной частью Финляндии, которая не признала акт о капитуляции, была финская провинция Лапландия непосредственно примыкающая к побережью Северного Ледовитого океана, и занятая 20-й германской горной армией под командованием генерала Эдуарда Дитля. Она состояла из 18-го, 19-го и 36-го горных корпусов. Немногочисленные финские гарнизоны были разоружены немецкими солдатами, и на территории Северной Финляндии установился оккупационный режим. Ввиду сложного рельефа местности и малого количества дорог вести боевые действия там представлялось крайне затруднительным. Ведь недаром сопредельную с этой территорией советско-финскую государственную границу противник на протяжении всей войны так и не пересек.

Но эти немногочисленные дороги – точнее, одна дорога, проходящая из района Петсамо-Киркенесс к побережью Ботнического залива, и далее, в Швецию – представляли крайний интерес для германской группировки на Мурманском направлении. Ведь после того, как советский Северный флот, усиленный кораблями эскадры Особого назначения, нанес поражение германскому Арктическому флоту и установил режим блокады побережья Северной Норвегии, эта грунтовая дорога, выходящая к шведской границе, осталась единственным путем снабжения для армии Дитля. Захват советскими войсками южной Лапландии означал, что единственной линией снабжения армии Дитля станет узкая грунтовая дорога протяженностью около двух тысяч километров, ибо Нарвик был блокирован с моря так же плотно, как и Киркенесс, чему весьма способствовали остатки британского флота, выведенные адмиралом Тови из Скапа-флоу в Рейкьявик и Мурманск.

– Товарищ Василевский, – сказал Сталин, постучав по карте мундштуком незажженной трубки, – с Дитлем надо кончать, и как можно скорее. Но нам мало того, что немцы не смогут вывезти из Петсамо ни грамма никелевого концентрата. В этом концентрате остро нуждается наша военная промышленность, и потому никелевые рудники как можно скорее должны перейти под наш контроль. Но вы должны помнить, что сделать это необходимо при минимальных потерях – ведь основная битва за Европу у Красной армии еще впереди.

– Минимальные потери наших войск, – Василевский вопросительно посмотрел на Верховного, – это единственное условие проведения такого рода операции? Сразу скажу, что придется идти неклассическим путем, потому что классическая Петсамо-Киркенесская операция – это лобовой штурм хорошо укрепленных вражеских позиций на горных хребтах и десанты на хорошо защищенное побережье. К тому же противник получит возможность отойти в район Тромсё и окопаться там, получая снабжение через шведскую территорию. В той истории это было тридцать тысяч наших убитых против шести с половиной тысяч немецких. За последние полгода мы привыкли воевать с прямо противоположным соотношением потерь. И не хотелось бы нарушать эту традицию. Конечно, напалм, управляемые и термобарические боеприпасы несколько уменьшат наши потери и увеличат вражеские, но мы почти исчерпали заготовленный запас такого вооружения, и на его пополнение нам потребуется не менее двух-трех месяцев.

– Товарищ Василевский, – спросил Сталин, – чего такого особенно неклассического вы собираетесь нам предложить, что подходите к этому вопросу с такими преамбулами? Неужели

вы хотите, чтобы для уничтожения врага, засевшего в неприступных укреплениях, мы применили спецбоеприпасы⁴ с кораблей эскадры Особого назначения?

– Совсем нет, товарищ Сталин, – ответил Василевский, – мне бы и в голову не пришло употреблять такую гадость, как ядерное оружие, рядом с границами Советского Союза. Моя идея заключается в другом. Поскольку все линии снабжения арктических немецких группировок проходят через территорию Швеции, которая откровенно наживается на этой войне, то мы могли бы предъявить шведскому правительству семидесятидвухчасовой ультиматум о прекращении такой практики, а потом, по его истечении, объявить Шведскому королевству войну с одновременной высадкой аэромобильного десанта прямо в шведской столице. Шведская армия на данный момент составляет около трехсот тысяч солдат и офицеров, хорошо моторизована и снабжена артиллерией, имея на вооружении автомобили и пушки собственного производства. При этом, за исключением так называемых «добровольцев», принимавших и принимающих участие в войне против СССР, шведские солдаты и офицеры не имеют опыта ведения полномасштабных сражений.

– Товарищ Василевский, – удивленно спросил Сталин, – едва закончив одну войну с Финляндией, вы предлагаете нам напасть на не менее сильную в военном отношении державу? Именно напасть – ведь только так называется предъявление ультиматума с последующим военным вторжением на территорию государства. И это нападение вы называете военным решением с наименьшими потерями?

– Как я уже сказал, – ответил Василевский, – шведская армия вооружена оружием собственного производства, и при этом ее военная промышленность работает на полную мощность. Помимо поставок железной руды и предоставления своей территории для перемещения немецких войск, Швеция продает Германии широкую номенклатуру самого современного вооружения: гаубиц, скорострельных зенитных автоматов и приборов управления стрельбой. Кроме того, ее военные корабли регулярно атакуют наши подводные лодки в Балтийском море, так как они являются помехой в торговых операциях Швеции и Германии. В то же время захват Швеции будет означать крах всего арктического фланга германского фронта и полное прекращение шведских поставок в Третий Рейх, что впоследствии значительно снизит наши потери на других направлениях. После капитуляции Финляндии у нас высвободились значительные силы Ленинградского и Карельского фронтов, 44-й отдельной армии и Особого корпуса морской пехоты Чуйкова, которые после отдыха и пополнения можно будет использовать в новой наступательной операции с решительными результатами.

– Хорошо, товарищ Василевский, – кивнул Сталин, – ваши аргументы нам понятны, мы их как следует обдумаем и постараемся принять по этому вопросу оптимальное решение. Хотя есть мнение, что двуличная политика шведского правительства, прикрывающегося фиговым листком нейтралитета, а на самом деле помогающего Германии, требует решения. Ни одно зло в этом мире не должно остаться безнаказанным, и немецкие танки, сделанные из шведской руды, тоже.

* * *

5 сентября 1942 года. 12:05. Галапагосские острова, остров Бальтра.

Временная якорная стоянка Японского Объединенного Императорского Флота.

Главнокомандующий объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото.

Адмирал Ямамото был доволен – Галапагосский архипелаг, вместе с недостроенным американским аэродромом противолодочной авиации захватил передовой отряд разведыватель-

⁴ Спецбоеприпас – армейский термин, завуалированно обозначающий ядерный или термоядерный заряд.

ных сил в составе 8-й дивизии тяжелых крейсеров, обеспечивших огневую поддержку и 4-й эскадры эсминцев, доставивших десант. Для того, чтобы ввести неприятеля в заблуждение, ушедший далеко вперед передовой отряд обогнул Галапагосские острова по широкой дуге, чтобы на рассвете 3 сентября 1942 года подойти к архипелагу с восточного направления. Кроме всего прочего, в целях дезинформации командовавший передовым отрядом контр-адмирал Сэдзи Нисимура (флаг на легком крейсере «Нака») приказал поднять над кораблями отряда американские флаги и завесить выписанные иероглифами японские названия полотнищами под цвет окраски корпуса с написанными на них именами американских кораблей. Операция прошла без сучка и задоринки – ведь охраняла строительство всего одна рота морской пехоты США, а все рабочие на строительстве, за исключением нескольких инженеров, были панамцами, эквадорцами, перуанцами, чилийцами и боливийцами.

Крейсер «Тикума», на борту которого красовалась надпись «Индианаполис», подошел к берегу и скинул полотна, прикрывающие истинное название корабля, вслед за тем спустил американский флаг, подняв взамен японский, и первыми же выстрелами восьмидюймовок главного калибра вдребезги разбил домик радиостанции. После этого эсминцы 4-й эскадры приступили к высадке на остров десанта, состоящего из ветеранов японской морской пехоты. Американские джи-ай оказали ожесточенное, но недолгое сопротивление, ведь под дулами восьмидюймовых орудий двух японских крейсеров на гладком и лишенном растительности острове ловить им было нечего.

Трофеями японцев стали две недостроенные бетонные взлетно-посадочных полосы: одна, почти двухкилометровой длины, предназначенная для сухопутных бомбардировщиков, и вторая, у самого берега, длиной около километра, куда должны были садиться самолеты-амфибии. Длины первой полосы вполне хватало для японских бомбардировщиков берегового базирования G3M «Нелл» и истребителей A6M «Зеро». Трофеями японского флота стали готовая к работа башня управления полетами, запасы авиационного топлива, несколько «Каталин», стоящих у причалов в небольшой бухточке рядом со строящейся для них полосой, и бараки из гофрированного железа, где жили строители аэродрома и солдаты охраны.

Поскольку нападение было внезапным, а радисты в это раннее утро отсутствовали на рабочих местах, американское командование на континенте все еще пребывало в блаженном неведении, считая причиной прекращения связи банальную поломку радиостанции.

Утром следующего дня на недостроенный аэродром с Гавайских островов перелетели два бомбардировочных сентай (полка) береговой авиации флота, провисевшие в воздухе над просторами Тихого океана двадцать шесть часов. Для увеличения дальности в бомболюках у бомбардировщиков G3M «Нелл» этих сентаев вместо бомбы или торпеды были подвешены сбрасываемые дополнительные топливные баки емкостью восемьсот литров. А чуть позже на прибрежный аэродром прилетел один истребительный сентай с легкого авианосца «Сёхо» (что находился на подходе), перестроенного из быстроходного танкера «Цуругизаки»; его летчики были обучены только взлетать с палубы, а садиться им предписывалось уже на сухопутный аэродром. Эта авиационная группировка предназначалась для дальней авиационной поддержки Панамской операции и нанесения бомбовых ударов с целью замедлить восстановление Панамского канала после гибели первого особого десантного корпуса.

А к вечеру того же дня на якорные стоянки у Галапагосских островов встал весь Японский Объединенный флот, завершивший двухнедельный переход через половину Тихого океана. Рядом с могучими линкорами и авианосцами бросали якоря вспомогательные крейсера и мобилизованные гражданские пароходы, битком набитые солдатами особого десантного корпуса и всем необходимым для того, чтобы они сумели разрушить Панамский канал и еще долго сражаться на его руинах с американскими солдатами. Чем джунгли Панамы хуже джунглей Гуадалканала? Ведь в нашей истории бойня на этом маленьком островке продолжалась почти полгода и обернулась тяжелыми потерями для обеих сторон.

Адмирал Ямамото дал флоту трое суток на отдых экипажей; за это же время нужно было проверить машины и механизмы на кораблях, принять с транспортов снабжения, которые останутся здесь на Галапагосах – запасы топлива, пресной воды и продовольствия. Ну а потом еще один, последний, трехсуточный переход – и на рассвете десятого сентября перед Японским Объединенным флотом покажется Панамский канал... Битва за этот важный стратегический объект решит судьбу Империи и окончательно унизит и без того не раз битых янки.

Предстоящее сражение сулило многократно превзойти битву за Гуадалканал другой истории – тут следовало брать в расчет и общее ожесточение, и важность обладания объектом для обеих сторон. Японская империя могла рассчитывать только на те силы, которые ей удалось доставить в Панамские джунгли, а еще на местных панамцев, которые любили «эль гринго» ничуть не больше, чем «эль диаволо». Поскольку среди строителей американской авиабазы имелись, среди прочих, и панамцы, разведка флота немедленно взяла этих людей в оборот. Поддержка местного населения могла существенно продлить сопротивление десантного корпуса и обеспечить переход его остатков к затяжной партизанской войне.

Никаких других подкреплений у десантного корпуса не предвиделось – чтобы доставившие десант корабли смогли дойти до метрополии, загрузиться подкреплениями и вернуться обратно, пройдет не менее двух с половиной месяцев. В то время как американские быстроходные транспортные суда (так называемые «банановозы», ранее принадлежавшие «Юнайтед Фрут Компани») будут делать один полный рейс из Майами в Панаму и обратно всего за неделю.

Стоя на берегу острова Бальтра и глядя на свой Объединенный флот, адмирал Ямамото прекрасно понимал, что война, начатая его страной десять месяцев назад, не может закончиться победой. Ведь экономические потенциалы противников несопоставимы, и никакие мужество, стойкость и стремление к самопожертвованию японских солдат, матросов и офицеров не смогут компенсировать численного превосходства противника, а также возможности его промышленности производить в огромных количествах оружие и снаряжение. Все, что ему, Ямамото, по силам – как можно дольше удерживать янки на дальних рубежах в надежде на то, что в итоге Японии удастся заключить более-менее приемлемый мир.

Пока, как ему казалось, все было тщательно продумано. Ударное авианосное соединение, обеспечив захват зоны канала, передаст свои самолеты обреченным на гибель армейским летчикам, которые пассажирами прибыли на транспортах вместе с пехотой. А сама элита морской авиации, вместе со своими авианосцами и прочими силами флота, вернется в воды Метрополии, чтобы там получить с заводов новенькие палубные самолеты самых последних модификаций, способные на равных драться с «Уйлдкэтами» и «Хеллкэтами». Точно также будут эвакуированы из Панамы элитные подразделения морской пехоты, на плечи которых возлагался молниеносный захват канала и уничтожение его инфраструктуры. Сделав свое дело, они уйдут, предоставив возможность героически погибнуть во славу императора особому десантному корпусу, командовать которым по личному распоряжению императора Хирохито был назначен подавший в отставку с поста премьер-министра Империи генерал Хидеки Тодзио, которого сменил на посту бывший начальник Генерального штаба Императорского флота барон Кантаро Судзуки.

– Мне будет жаль, – сказал император Хирохито генералу Тодзио, – если англосаксы повесят вас как военного преступника, потому что благодаря вам страна Ниппон в этой войне осталась без надежных союзников, а те, кого вы и подобные вам выбрали для нас в лучшие друзья, гибнут нынче под ударами безжалостного и могущественного врага, проводящего одну наступательную операцию за другой. Я не приму от вас никаких других извинений, кроме героической смерти в бою с врагами Империи. Идите и покройте себя неувядаемой славой, как и положено самураю! Смею надеяться, что вы не опозорите свой род, и сто лет спустя янки будут с ужасом вспоминать вас и ваш особый десантный корпус.

По тому же принципу – «возьми, боже, что нам не гоже» – была укомплектована и большая часть командного состава десантного корпуса, а также команды двух обреченных на смерть линкоров. Совсем немного времени осталось до того момента, когда станет ясно, удался ли замысел Ямамото затянуть войну путем захвата и разрушения Панамского канала...

* * *

8 сентября 1942 года. 10:35. Лес к западу от Москвы. Центр подготовки советского спецназа.

Майор отдельного южноафриканского полка специального назначения имени генерала Де ла Рея Пит Гроббелаар.

Ну вот мы и в составе русской армии. Теперь мы числимся отдельным специальным полком имени генерала Де ла Рея. О слове «specialny» в новом названии нашего полка надо сказать отдельно, чтобы те, кому предстоит читать мои записки, не путали наш полк с русскими частями «особого» назначения или попросту с OSNAZом. На английский и то, и другое слово переводится как «special», но у русских смысл этих слов разный.

Когда на прорыв идет OSNAZ, от грома десятков тысяч тяжелых орудий распадаются облака, а все живое на вражеских позициях сметает огненная метель так называемых «gvardeiskih minometov», которые русские называют ласковым женским именем «Katysha». Потом к ним присоединяются тысячи обтекаемых, будто отлитых из единого куска металла, тяжелых русских танков, и от их поступи земля содрогается как во время землетрясения, и эту грозную дрожь чувствует даже Гитлер в Берлине, потому что это движется его неумолимая смерть... Там, где советский вождь решает использовать OSNAZ, происходят грандиозные сражения и враг терпит сокрушительное поражение.

«SPETSNAZ» вроде нас, напротив, действует тихо, бесшумно. Незаметно приходит, выполняет свою задачу, и так же бесшумно уходит, оставляя после себя только трупы, которые никому и ничего уже не смогут рассказать. Именно русский «SPETSNAZ» выкрал прямо из-под нашего носа короля Георга, перебив целую роту отличных бурских парней. Ни до акции, ни после нее никто ничего не видел и не обращал на них никакого внимания. Именно так теперь учат действовать нас в тех случаях, когда бой при выполнении задания неизбежен и нельзя обойтись парой перерезанных глоток.

В любом случае, ясно, что госпожа Антонова сообщила свое мнение русскому вождю и его ближайшим помощникам, и столь же очевидно, что тот внял ее аргументам. Ведь несомненно, что в качестве союзников буры будут ему гораздо полезнее, чем в качестве военнопленных на черных работах при восстановлении их «narodnogo hozyaystva» или же в качестве жертвы, принесенной на алтарь русско-английской дружбы.

Хотя с англичанами, так же, как с крокодилами, дружба бывает только тогда, когда они не голодны... Но русский вождь с английским королем Георгом не дружит – он держит его у ноги, как бульдога в наморднике. Кормят и поят бульдога досыта, но гадить на ковры и задирать других обитателей дома ему не разрешается.

Когда я спросил об этом начальника центра полковника Гордеева, тот задумчиво пожевал травинку и после некоторых размышлений ответил:

– Не бери в голову, Пит... С англичанкой уже покончено – раз и навсегда. Гадить больше не будет. Да что я тебе объясняю? Ты же ведь тоже в этом участвовал, и мы на тебя за это не в обиде. С одной стороны, вы сыграли на стороне Гитлера, с другой стороны, ликвидировали американский плацдарм в Европе; и теперь, после разгрома Германии, нам будет куда проще устанавливать там свои порядки.

Выслушав ответ, я только махнул рукой. И так все понятно. Орденом за то дело нас награждать не будут, но тем не менее нам дали понять, что мы существенно помогли каким-

то долговременным русским планам, которым мешала Британия короля Георга. Сказано было немного, но для умного достаточно. А полковник Гордеев знает, что говорит, ведь незадолго до нашего прибытия в учебный центр он вернулся из Хельсинки, где как личный спецпредставитель Сталина присутствовал при грандиозной десантной операции, в результате которой русские заставили капитулировать Финляндию. Как утверждают наши записные стратеги, этим ходом Сталин обозначил огромные клещи, в которых он зажмет Германию с севера, со стороны Скандинавии, и с юга, со стороны Балкан; после чего раздастся «крак!» – и державы Гитлера не станет, как совсем недавно не стало Франции, а за ней и Британской империи.

Полковник Гордеев прав: теперь Британия – что угодно, но только не империя, над которой никогда не заходит солнце. А я и мои парни можем гордиться, что нанесли ей этот смертельный удар.

Относительно же того, как и чему нас здесь учат – этот вопрос сугубо секретный. Но еще никогда в своей жизни я так не уставал. Мы выкладываемся по полной и все испытываем только два чувства, которые подавляют все остальные: ни на минуту не проходящую усталость и волчий голод (да-да, несмотря на обильное пятиразовое питание). Мы в «Стормйаарс» считали себя крутыми парнями, но то, что демонстрируют наши инструкторы, как мне кажется, лежит вообще за пределами человеческих возможностей.

Но, кроме физической и боевой подготовки, занимающей большую часть нашего времени, с нами проводят теоретические занятия и политические беседы. Теоретические занятия посвящены порядкам в различных странах Европы и их армиях, а также их форме, правилам ее ношения, обычным нарушениям уставного внешнего вида, знакам различия, воинским приветствиям и всему тому, что мы должны знать, чтобы внешне сойти за немецких солдат или кого-то из их союзников. Поскольку в России практически нет людей, способных свободно общаться на бурском (то есть староголландском), то инструкторы и преподаватели доносят до нас информацию и распоряжения на английском.

Правда, учат не только нас, но и мы кое-кого тоже. К нашему полку прикрепили большую группу из молодых парней и девушек, курсантов военного училища, где готовят переводчиков. Теперь мы ежедневно по полтора часа обучаем их разговорному бурскому языку. Полковник Гордеев говорит, что это делается на всякий случай – дескать, когда еще в Россию снова попадет такая большая группа носителей бурского языка. В свою очередь, эти курсанты и их преподаватели натаскивают меня и моих парней на то, чтобы имитировать различные немецкие говоры – от литературного хохдойч, на котором говорят в образованном обществе, до какого-нибудь горного тирольского диалекта, отличающегося от классического немецкого языка не меньше, чем бурская речь.

Благодаря этим занятиям с противоположным полом у многих парней с русскими девушками завязались романы, и я не вижу в этом ничего плохого, потому что эти девушки принадлежат белой расе, они чистоплотные и хорошо образованные. С другими наши парни связываться не стали бы. Не вижу ничего плохого в том, что некоторые из моих солдат вернутся домой вместе со своими невестами. Судя по тому, как русские могут сражаться против сильного врага, они совсем не испортят крови нашего народа.

Кстати, кроме физической и боевой подготовки, а также теоретических занятий по языкам и обычаям поведения в немецкой и других армиях, с нами проводят и политические беседы – обязательные в русской армии. Сначала я думал, что нас будут просто агитировать переходить в коммунистическую веру, но все оказалось по-иному. С нами действительно проводили беседы на разные темы: с одной стороны, просвещая относительно особенностей жизни в нынешней России, а с другой стороны, излагая их русский научный взгляд на происхождение человека и на то, почему мы, белые, в своем поведении и обычаях ведем себя совсем не так, как кафры.

Не могу сказать, что я стал ярим сторонником русской точки зрения, но кое о чем задуматься эти беседы меня заставили. Не стоит мазать всех одной краской. Ведь и среди кафров встречаются хорошие люди – такие, например, как Йонни Витбой, который работал у моего приемного отца. А среди буров тоже попадаются полные мерзавцы, как, например, Виллем Бота и Робби Лейббрандт – эти двое с потрохами запродали наш народ Гитлеру, даже не задумавшись о том, что делают его заложником в схватке больших хищников.

Я буду просто счастлив, если с Божьей помощью и благодаря мужеству наших парней смогу исправить причиненное моему народу зло и моя родина получит свободу из рук победителей, а не окажется снова ввергнутой в английское рабство. По крайней мере, нам обещали, что если где-нибудь на фронте русским еще попадутся буры, то их не пошлют в лагерь военнопленных, а направят в наш спецполк. А вот если они откажутся, то пусть не обижаются тогда – они сами будут виноваты в том, что случится с ними потом.

* * *

12 сентября 1942 года. Ранее утро. Панамский залив. Операция «Яшмовая ваза».

Главнокомандующий объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото.

Под покровом темноты Объединенный флот Японии вошел в Панамский залив, направляясь к южному (Тихоокеанскому) входу в Панамский канал. За полчаса до рассвета в двадцати милях к востоку от островов Лас-Перлас разведывательные и линейные силы, эскортирующие транспорты с особым десантным корпусом, продолжили движение в направлении Панамского канала. А ударное авианосное соединение вице-адмирала Тюити Нагумо развернулось против ветра и приступило к подъему в воздух самолетов 1-го воздушного флота.

Семь тяжелых авианосцев «Акаги», «Кага», «Хирю», «Сорю», «Секаку», «Дзуйкаку», «Дзуньо», а также три легких авианосца (бывших быстроходных танкера) «Рюдзе», «Сёхо» и «Рюхо» несли в своих ангарах четыреста пятьдесят боевых самолетов. Крылатыми машинами управляли пилоты, прошедшие суровую довоенную подготовку и закалку огнем в небе Перл-Харбора, Яванского моря, Новой Гвинеи, Кораллового моря, Индийского океана и снова Перл-Харбора. Это была элита японской морской авиации – самые умелые, самые отважные, самые удачливые пилоты, в нашей версии реальности по причине трагической случайности⁵ и разгильдяйства⁶ высшего японского военно-морского командования бесцельно сгоревшие в битве у Мидуэя. Но здесь, в этом новом мире, они были живы, горя яростью и желанием выдрать перья из хвоста американского орла⁷.

Воздух наполнился ревом сотен авиационных моторов, гудением пропеллеров и свистом воздушных потоков, срывающихся с крыльев взлетающих японских самолетов. Один за другим в небо поднялись высотные бомбардировщики-торпедоносцы В5N2 «тип-97» («Кейт»), пикирующие бомбардировщики D3A «тип-99» («Вэл») и истребители А6М «тип-00» («Зеро»).

Взлетев, самолеты построились в боевую формацию и взяли курс на северо-восток, чтобы по широкой дуге, обойдя вход в Панамский канал, появиться над американскими береговыми укреплениями в слепящих лучах восходящего солнца. Так они действовали в Перл-Харборе

⁵ Трагическая случайность заключается в том, что американский самолет-разведчик первым обнаружил японскую эскадру, а не наоборот.

⁶ Использование одного и того же кода на протяжении нескольких месяцев нельзя назвать иначе как разгильдяйством. Это недопустимо и в мирное время, а уж во время войны равносильно преступлению. Ну и приказ в критической боевой обстановке, когда счет шел на минуты, снимать с бомбардировщиков-торпедоносцев В5N2 «тип-97» («Кейт») бомбы для того, чтобы подвесить торпеды, тоже требует соответствующей оценки в трибунале.

⁷ Так выразился капитан первого ранга Мицуо Футида, командир авиагруппы флагманского авианосца Акаги после первого налета на Перл-Харбор.

в первый и во второй раз, и это принесло им победу; таким же образом они собирались действовать и сейчас.

С Тихоокеанской стороны Панамский канал защищали форты Коббе, Амадор и Грант, имевшие на вооружении двадцать две береговые батареи с пятью шестнадцатидюймовыми пушками (две открыто, две в казематах, одна скрывающаяся) и восемь четырнадцатидюймовыми орудиями (шесть в стационарных батареях на скрывающихся станках и две железнодорожные), а также двенадцать двенадцатидюймовых мортир, шесть шестидюймовых пушек на скрывающихся станках (устаревших, списанных и находящихся в процессе демонтажа), и еще двадцать передвижных 155-мм береговых пушек и четыре стационарные 90-мм зенитки, что даже не смешно против почти полутысячи самолетов.

Вся эта артиллерийская мощь, прикрывающая вход в Панамский канал, тридцать-сорок лет назад была бы вполне адекватна против подошедшей на дистанцию прямого выстрела линейной эскадры – так же, как под Порт-Артуром адекватен был Электрический Утес, обстреливавший корабли адмирала Того. Но против палубных пикировщиков открытые сверху бетонированные артиллерийские позиции представляли абсолютно беззащитную мишень. Единственные два орудия, расположенные казематным способом, могли легко подвергнуться уничтожению с воздуха бетонобойными бомбами, ибо по такой крупной цели пилоты японских бомбардировщиков никак не могли бы промахнуться.

На территории форта Коббе располагалась единственная и крупнейшая в регионе американская авиабаза Говард, где в настоящий момент базировались по преимуществу транспортные и патрульные самолеты, а также некоторое количество истребителей. Американское командование, пеленговавшее радиопередатчики, принадлежавшие кораблям ударных авианосного и линейного соединения в другой части Тихого океана, пребывало в блаженном неведении по поводу дальнейших планов адмирала Ямамото. Американцы ожидали, что часть сил Японского флота совершит еще один отвлекающий рейд в Индийский океан, на коммуникации смертельно раненой Британской империи, и одновременно с этим Япония нанесет по Аляске основной удар авианосными и линейными соединениями. В силу этих соображений именно на этой арктической территории США (статус штата с 1959 года) проводились противодесантные мероприятия и концентрировалась значительная часть американской авиации.

За два часа до побудки и подъема флага со стороны солнца в воздухе над фортами, прикрывающими вход в Панамский канал, появились сотни японских самолетов. Со свистом вниз обрушились бомбы высотных бомбардировщиков «Кейт», дробящие бетон и разрушающие стальные конструкции – это последовал удар по орудиям в капонирах и складам боеприпасов. Запрокинулись на крыло и ринулись вниз в крутом пике «Вэлы», целью которых стали открыто стоящие орудия и железнодорожные транспортеры. Истребители «Зеро» блокировали авиабазу Говард и теперь поливали шквальным пушечно-пулеметным огнем открыто стоявшие на летном поле самолеты и позиции мелкокалиберной артиллерии. Им запрещалось атаковать лишь склады горюче-смазочных материалов, ибо все это добро должно было пригодиться самим японцам.

Повторились ситуации двух атак на Перл-Харбор. Ожидавшие нападения японцев где-то в другом месте, американские солдаты, поднятые с постели, в ужасе и растерянности бесцельно металась под огнем. Да и как толково могли вести себя американские артиллеристы, когда позиции их морских пушек, из которых пока еще не в кого было стрелять, равняли с землей исторгающие бомбы японские самолеты, делая это лихо и азартно, с каким-то адским наслаждением.

Вот вздрогнула земля и раздался ужасный грохот, по сравнению с которым взрывы бомб показались простыми хлопками. Форт Коббе, авиабазу Говард и расположенный поблизости городок Бальбоа закрыло огромное грибовидное облако дыма и цементной пыли. Это от прямого попадания бетонобойной бомбы взлетел на воздух склад снарядов одной из капонирных

шестнадцатидюймовых батарей (на самом деле в каждой такой батарее было всего по одному орудью). И теперь вместо артиллерийской позиции можно было наблюдать огромный дымящийся кратер.

Но это было только начало, потому что, пока в небе свирепствовала японская палубная авиация, шестьдесят четыре эсминца, входящих в состав линейных и разведывательных сил, подошли вплотную к берегу и приступили к высадке десантных групп морской пехоты. Это был авангард армии вторжения; он сразу же захватил плацдармы на берегу неподалеку от форта Коббе, авиабазы Говард, нижние шлюзы Панамского канала со стороны Тихого океана и портовые сооружения, необходимые для разгрузки основной десантной группировки.

А ведь от морского берега до конца взлетно-посадочной полосы было меньше восьмисот метров, и японская морская пехота, наступая, поддерживалась пятидюймовыми орудиями эсминцев и шестидюймовками легких крейсеров. А вскоре к ним должны были присоединиться восьмидюймовые пушки тяжелых крейсеров, а также двенадцати- и восемнадцатидюймовые орудия японских линкоров, которым после подавления палубной авиацией береговых батарей и уничтожения авиагруппы на авиабазе Говард было уже нечего опасаться. Пройдет еще немного времени – и палубные самолеты авианосного соединения вернуться, чтобы продолжить поддержку продвигающейся вдоль канала пехоты и подавить позиции американцев на выходе канала в Атлантический океан.

* * *

15 сентября 1942 года, Полдень. Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Белый Дом, Овальный кабинет.

Присутствуют:

Президент США Франклин Делано Рузвельт;

Вице-президент Генри Уоллес;

Госсекретарь Карден Халл;

Военный министр полковник запаса Генри Стимсон;

Военно-морской министр майор запаса Франклин Нокс;

Генеральный прокурор Френсис Биддл;

Начальник штаба президента адмирал Уильям Дэниэл Лехи.

– Джентльмены! – в голосе Президента звенела плохо скрываемая ярость, – в Панаме опять, уже в который раз, японцы застали наших вояк врасплох! Причем случилось это фактически на нашей территории! Опять погибли наши солдаты, потеряна территория, а самолюбию американской нации нанесен жесточайший удар. До каких пор все это будет продолжаться, я вас спрашиваю, мистер Лехи?!

– Мистер президент, – робко проблеял адмирал Лехи, – нам до конца неизвестно, что именно там произошло. Понятно лишь одно. Удар был внезапным и сокрушительным, и все, что происходило на конечном этапе, выглядело просто бойней.

– Мистер Лехи, это понятно и без ваших мудрых пояснений, – иронически заметил Рузвельт, – вы нам лучше объясните, почему японцам уже в который раз удается проводить внезапные и сокрушительные атаки, а нашим военным до сей поры не удалось поймать их за руку? Даже во время операции в Коралловом море, когда вы все уверяли меня, что мы одержим победу, все закончилось ужасающим разгромом и гибелью двух авианосцев Тихоокеанского флота США...

– Мистер президент... – На военно-морского министра было жалко смотреть. – Мы даже не предполагали, что японское командование отважится вести боевые действия на таком большом удалении от собственных баз.

Президент Рузвельт в гневе ударил ладонью по столу.

– Они отважились на это не в первый раз, черт возьми! – не сдержавшись, выкрикнул он. – И во время первого, и во время второго нападения на Перл-Харбор японский флот выходил в море с баз, расположенных на расстоянии сотен миль от Гавайских островов! Так что японским адмиралам к подобным дальним походам не привыкать. Тихий океан – это вообще-то очень большая территория! Но вы, джентльмены, лучше скажите мне вот что: как вообще могло так получиться, что японцы захватили Галапагосские острова вместе с нашим почти готовым аэродромом противолодочной авиации, а у нас никто даже не пошевелился, чтобы послать туда самолет для проверки?! ВВС кивает на флот, флот на ВВС, а приближение японской ударной группировки заметили только тогда, когда на наши береговые батареи, защищавшие Панамский канал, посыпались бомбы. Не знаете?! Вот и я не знаю! А знать такие вещи надо обязательно! Именно поэтому я пригласил на нашу встречу мистера Биддла – чтобы его парни выяснили, кто именно из наших военных еще чего-то не знает и почему американские армия и флот почти год терпят от японцев одно сокрушительное поражение за другим, одно за другим! Быть может, это кому-то выгодно – чтобы Америка чувствовала себя униженной и побежденной? Может, кто-то хочет прорваться в этот кабинет? Или кто-то из наших военных продался джапам и гуннам?! Вы думаете, почему армии дядюшки Джо, поначалу воевавшие из рук вон плохо, теперь громят нацистов, и те не могут ничего с этим поделать? Недавно мне пришлось поздравлять большевистского лидера с очередной эпической победой его войск, закончившейся разгромом финской армии и выходом Финляндии из войны. Все дело в том, что там после каждого поражения к допустившим такое генералам приходили люди из их карательных органов и задавали им разные неудобные вопросы. Вскоре все поняли, что воевать плохо – совсем не полезно для здоровья, и только после этого нацистам пришлось испытать, что это такое – терпеть разгром за разгромом. Мистер Биддл весьма компетентный человек; и вообще, джентльмены, чем мы хуже русских, которые, в конце концов, все же научились воевать по-настоящему?

– Мистер президент, неужели вы подозреваете кого-то из наших генералов в предательстве? – спросил генеральный прокурор, воспользовавшись паузой, образовавшейся из-за того, что Рузвельт после своего долгого и жаркого спича жадно пил сельтерскую воду.

– Я никого не подозреваю, мистер Биддл, – буркнул Рузвельт, – подозревать – это ваша работа. Но скажу вам вот что – если в доме вдруг завоняло серой, внезапно скисли все сливки, а свечи вдруг начали гореть ярким синим пламенем, не стоит объяснять это непознанными явлениями природы, а следует предположить, что где-то рядом бродит мистер Сатана с рогами и хвостом... И, следовательно, необходимо предпринять против него все соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах! Надеюсь, моя позиция понятна всем, находящимся в этом кабинете?

– Так точно, мистер президент, – ответил за всех вице-президент Уоллес, – вопрос только в том, что в такой ситуации требуется делать всем нам, а не только мистеру генеральному прокурору...

– Всем нам, – ответил Рузвельт, – требуется сделать все чтобы как можно скорее, с наименьшими потерями отбить назад Панамский канал, и желательно это сделать так, чтобы нанести его сооружениям наименьший ущерб...

– К сожалению, мистер президент, – ответил адмирал Лехи с нотками некоторой тоски в голосе, – выполнить эту задачу невозможно. Во-первых, у нас нет нужного количества подготовленных войск, чтобы немедленно отправить их в зону Панамского канала. Мы не знаем точную численность высадившихся японских войск. Но, если они так быстро сумели захватить все сооружения канала и подавить там нашу оборону, то значит, их было много. Мы не можем бросаться на врага сломя голову. Ведь если наш высаженный десант не справится с поставленной задачей, то солдаты и офицеры, участвовавшие в нем, подвергнутся уничтожению. Во-вторых, если наши аналитики правы, и в атаке на Панамский канал принимали участие все япон-

ские авианосцы, то это значит, что они доставили в зону канала от четырехсот до четырехсот пятидесяти боевых самолетов. Следовательно, нам понадобится не менее четырех-пяти новых больших авианосцев, чтобы хотя бы сравняться с японцами в численности самолетов, а у нас на данный момент нет ни одного. Все находившиеся в строю к началу войны корабли потоплены, и теперь требуемая авианосная группировка из пяти тяжелых авианосцев типа «Эссекс» и четырех легких авианосцев типа «Индепенденс» появится в составе нашего военно-морского флота не ранее конца мая будущего года. Должен заметить, что все эти корабли были заложены на верфях до 7 декабря 1941 года. С началом войны темпы закладки авианосцев резко увеличились, и впоследствии мы будем иметь над японцами подавляющее преимущество как в кораблях, так и в базирующихся на них самолетах. Единственное, чем мы можем воздействовать на захватившую Панамский канал японскую группировку – это находящиеся в строю тяжелые бомбардировщики Б-17 и проходящие испытания Б-29. Но таким образом мы сами разнесем вдребезги не только японцев, но и сам канал.

– Черт побери! – выругался президент Рузвельт, – уронить камень в Потомак сможет любой дурак, а вот вытащить его оттуда не смогут и тысяча мудрецов. Это надо ж додуматься – своими руками разбомбить Панамский канал! С другой стороны, если оставить японцев до мая будущего года делать в зоне канала все что заблагорассудится, то мы сможем навсегда попрощаться с Панамским каналом, ибо проще построить новый где-нибудь в Никарагуа, где тоже есть удобное место, чем восстанавливать из руин старый. Уж японцы об этом непременно позаботятся. Джентльмены, а что если мы высадим наших парней за пределом радиуса действия японской авиации и построим там сухопутные аэродромы (что будет быстрее, чем дожидаться окончания постройки авианосцев) и оттуда шаг за шагом двинемся к Панамскому каналу?

– Мистер президент, – адмирал Лехи быстро что-то прикинул в уме, – радиус действия японской палубной бомбардировочной авиации – примерно тысяча километров. На таком расстоянии от Панамского канала находятся первоклассные английские аэродромы на Ямайке, Барбадосе и Белизе, а также наши аэродромы неподалеку от Тегусигальпы в Гондурасе и Боготы в Колумбии. Думаю, что для начала следует перебросить туда армейскую авиацию, которую планировали базировать на английских аэродромах для действий в Европе, и с ее помощью подавить сопротивление авиационной группировки, переброшенной Японией в зону канала, и начать планомерную очистку его территории силами нашей пехоты. А авианосную группировку, как только она появится, вместе с боеготовыми к тому моменту линкорами послать на Тихий океан круглым путем вокруг мыса Горн и в свою очередь обрушиться на японцев, когда они не будут этого ждать. Панамский же канал, если умер, то туда ему и дорога – после войны мы досконально разберемся, восстанавливать его или строить новый.

– Ну, кажется, мы приняли вполне приемлемое решение, – сказал немного успокоившийся Рузвельт, – это предложение можно принять за основу. В любом случае мы победим этих наглых японцев и заставим их заплатить за все унижения и потери, включая и этот конфуз с Панамским каналом. А теперь вы можете идти, потому что каждый из вас знает, что ему делать, а я, как президент, должен подумать о том, что еще упущено и где противник может взять над нами верх.

* * *

19 сентября 1942 года, Полдень. Восточный фронт, группа армий «Центр», штаб группы армий в Смоленске.

Командующий ГА «Центр» генерал от инфантерии Готхард Хейнрици.

Сын лютеранского священника, женатый на полуеврейке, категорически отказавшийся вступать в НДСАП участник Первой Мировой войны, Французской кампании и вторжения в СССР летом сорок первого года, гений обороны по прозвищу «Ядовитый Гном» и командую-

щий группой армий «Центр» генерал от инфантерии Готхард Хейнрици, помаргивая белесыми ресницами, слушал доносящуюся с трех сторон артиллерийскую канонаду. Три русских ударных группировки под Островом, Могилевом и Рославлем уже третий день медленно и неумолимо вгрызались в оборону группы армий «Центр» постепенно обозначая клещи, угрожающие сомкнуться за «смоленским балконом» в район Витебск-Орша.

Хотя канонаду с северного направления, из-под Острова, нельзя было расслышать: триста километров есть триста километров, да и наступление там было явно отвлекающим. В составе наступающей группировки было много пехоты, немного артиллерии (в основном легкой, калибра семь с половиной сантиметров), и напрочь отсутствовали танки и ужасные «Сталинские Органы»⁸. Русские продвигались вперед в условиях лесисто-болотистой местности только за счет эффекта внезапности. Ведь никто не ожидал, что они начнут наступление до зимы в расчете на успех исключительно за счет подготовки войск к действиям в условиях болотистой местности и массивной авиационной поддержки (в основном авиации поля боя: истребителей, пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков).

В силу этих факторов немецкая армия сразу потеряла несколько ключевых шверпунктов, а мобильные русские кампфгруппы, обходя узлы сопротивления, глубоко проникли в немецкую оборону, блокировав гарнизон Острова. Сегодня утром генералу доставили приспособление, с помощью которого коварные русские скакали по болотам как лягушки, в то время как немецкие солдаты проваливались в топкую почву по колено или по пояс. Кошмар! Сумрачный тевтонский гений не мог предположить, что это окажутся специальные сетки вроде теннисных ракеток, плетеные из свежих ивовых прутьев, которые русские солдаты надевали себе на ноги поверх обуви. Эти первобытная дикость сочеталась с массовым применением русскими фугасных и зажигательных реактивных гранат, которыми они с расстояния в сто-сто пятьдесят метров забрасывали дзоты и доты опорных пунктов вермахта.

Но то, что творилось на севере – были еще цветочки. Генерал Хейнрици планировал остановить русское наступление в самое ближайшее время, перебросив к месту прорыва небольшие дополнительные силы. Правда, надежды деблокировать гарнизон Острова уже не оставалось: уличные бои там подходили к концу, и, скорее всего, к тому времени, когда появится возможность нанести контрудар, от немецкого гарнизона не останется ничего. На южном фланге «смоленского балкона» дела обстояли не в пример хуже – на Рославль и Могилев наступали две крупных русских механизированных группировки, имеющие на вооружении танки старых образцов, хотя и прошедших серьезную модернизацию. Вот там было большое количество русской ствольной артиллерии серьезных калибров, громогласные «Сталинские Органы», неоднократно с невероятно ловкостью накрывавшие на марше выдвигаемые к месту прорыва немецкие резервы, а также подвижные кавалерийские соединения, которые, используя лесные массивы, с легкостью обтекали выставленные на основных магистралях заслоны и оказывались в тылу обороняющихся войск вермахта.

Тем не менее это далеко не то, что произошло во время скоротечного сражения за Брянск и Орел (случившегося в мае) или феерического рывка русских механизированных соединений на юг из того же Брянского выступа в июле. Там была работа настоящего мастера, у которого свое дело хорошо знали все – от непосредственно подчиненных ему командиров частей до последнего унтера: командира пехотного отделения, танка или орудия.

Проведя хронометраж перемещения вражеского ударного соединения, согласно имеющимся данным, Хейнрици восхитился чужой работой, но и одновременно пришел в ужас. Русские танки и мотопехота двигались со скоростью⁹, вдвое превышающую таковую у луч-

⁸ «Сталинский орган» – немецкое прозвище гвардейских реактивных минометов БМ-8 или БМ-13.

⁹ Т-34 и его «потомок» Т-42 в силу более экономичного дизельного двигателя действительно имеют в два раз большую дальность хода на одной заправке, чем танки вермахта Т-III и Т-IV с бензиновыми моторами.

ших немецких танковых командиров – вроде Гудериана, Гота, Манштейна, Клейста и того же Роммеля. Именно это позволяло русскому командиру опережать в темпе выдвигающиеся ему навстречу немецкие подвижные резервы и наносить им тяжелые поражения по частям.

Тут же все было не так, совсем не так. Танки у русских оказались старыми, прошедшими лишь поверхностную модернизацию, а действия подвижных соединений – медленными, запаздывающими и неуверенными, как будто русские генералы пытались решать задачи из учебника по тактике, то и дело заглядывая в последнюю главу, где были напечатаны ответы.

Наступление на Могилев велось хоть и без «чудес», но более-менее правильно, как и ликвидация блокированного гарнизона Гомеля. Видно было, что командование этим русским соединением хорошо усвоило уроки недавно завершившегося сражения на южном участке Восточного фронта. Та же группировка, которая наносила удар от Брянска на Рославль, вела себя, фигурально выражаясь, как корова на льду, что свидетельствовало о том, что ее командование еще не имеет опыта полномасштабных боевых действий.

Из всего этого командование группой армий «Центр» могло сделать вывод, что удар на Рославль, скорее всего, отвлекающий, а в направлении Могилева – подготовительный, как и удар на севере. Но не стоило тешить себя надеждой – если хоть одна русская группировка прорвет фронт и выйдет на оперативный простор, к прорыву тут же присоединятся подвижные соединения первого класса, неумолимо стремительные и смертоносные, которые с самого окончания операции против группы армий «Юг» еще ни разу так и не участвовали в деле. Эти козыри русское командование предпочитало пока держать в рукаве. А сие означало, что на поле боя они могли появиться где угодно и в какой угодно момент; и лучше бы не в полосе ответственности вверенной ему, Хейнрици, группы армий «Центр».

Да и вообще – эти группировки, пусть медленно и неловко, но продолжали наступление, вынуждая вермахт оставлять населенные пункты один за другим. Ведь явно же этих новичков бросили в бой специально, чтобы ветераны успели зализать раны, а также для того, чтобы оттянуть силы с вероятных участков прорыва. Поэтому генерал Хейнрици запросил дополнительных резервов у ОКВ, точнее, у Кейтеля, оставшегося «на хозяйстве» после гибели Гальдера и Йодля.

Кейтелю следовало понимать, что до тех пор, пока немецкие войска стоят под Вязьмой (то есть в двухстах километрах от московских окраин), война вермахтом еще не проиграна; но этого нельзя будет сказать, если большевикам удастся срезать «смоленский балкон» и стабилизировать фронт по Днепру и Западной Двине. Даже если все обойдется без нового «котла» (вроде Брянского, Курского, Белгородского или Харьковского), то на новый рывок на восток (подобный тому, что состоялся в августе-сентябре прошлого года) у немецкой армии не хватит ни людских, ни материальных ресурсов. Вермахт выдохся и больше не в состоянии показывать феерические чудеса, как в Польше, во Франции и на востоке в первые три месяца войны. А позиционная война – это смерть для немецкой армии, как бы он, генерал Хейнрици, ни любил оборону.

* * *

25 сентября 1942 года. 12:35. Москва. Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник Генерального Штаба – генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский;

Начальник Академии Генерального Штаба – маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников;

Народный комиссар внутренних дел – генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия.

Шел 461-й день войны и 264-й день с того момента, как в прошлое прибыла последняя, четвертая, копия эскадры контр-адмирала Ларионова, своими действиями создавшая альтернативный основному поток истории. За девять месяцев, прошедших с той поры, ход событий настолько уклонился в сторону под воздействием создаваемого пришельцами бокового вектора, из-за чего даже люди, посвященные в тайну того, как было ТОГДА и что у них получилось СЕЙЧАС, удивлялись тому, как с помощью незначительных материальных ресурсов удалось достичь столь впечатляющих изменений. Первоначальные действия потомков послужили лишь спусковым механизмом, ускорив развитие значительно более серьезных политических процессов местного происхождения, подобно тому, как выстрел из специальной лавинной пушки вызывает сход горной лавины задолго до того, как та сорвалась бы со склонов по естественным причинам.

Каждая последующая успешная оборонительная или наступательная операция Красной Армии или корпусов ОСНАЗ приносила врагу дополнительные потери, заставляя Третий Рейх терять территории, технику, подготовленный личный состав и остатки репутации. В то же время советское командование убеждалось в том, что они находятся на правильном пути и что нужно продолжать двигаться в том же направлении. Сторона, постоянно стратегически предупреждая своего противника, застающая его в моменты наибольшей слабости, неизбежно выигрывает войну, причем очень быстро и с небольшими потерями.

В 1941 году враг сумел дойти до Москвы, Ленинграда, Донбасса, почти полностью захватил Крым. В Белостокском, Уманском, Витебском, Смоленском, Киевском и Вяземском котлах погибла почти половина имевшейся на начало войны кадровой армии. Но Страна Советов устояла под этим натиском, а ее вооруженные силы, воспользовавшись истощением вермахта после четырехмесячного наступления и его неготовностью вести боевые действия в условиях русской зимы, сумела подготовить и провести первую за Вторую мировую войну контр наступательную операцию, которая привела к серьезному поражению вермахта и заставила его отступить на сотню-другую километров к западу.

Когда же этот порыв был готов выдохнуться – отчасти из-за не очень умелых действий советского командования, а отчасти из-за ограниченности вложенных в него людских и материальных ресурсов – в этот критический момент на арене боевых действий и появились потомки. Они поддержали натиск Красной Армии своим непосредственным участием и бесценной информацией, предназначенной для Верховного командования Красной армии. Сдвиг, который на первых порах не заметил никто в мире, на самом деле имел колоссальное значение.

Именно благодаря этой информации Советскому командованию удалось отстранить от руководства войсками неумелых, бесталанных или просто неудачливых генералов и адмиралов, взамен продвигая на командные посты талантливых и успешных, но зачастую как раз за это и нелюбимых начальством командиров. И те ни разу не подвели.

Да, первоначально все начиналось с одного полковника Бережного. Но теперь, через девять месяцев ускоренного подбора кадров, у Сталина на руках имелась целая колода из первоклассных «гинденбургов» отечественного разлива. Как говорится – если у вас нет гинденбургов, это значит, вы просто не умеете их выращивать. Именно эти люди, оседлав поднятую потомками волну, повели Красную армию вперед, к новым победам и свершениям. И вот настал тот момент, когда можно и нужно было оценить, насколько ход войны и самой истории соответствует тому, что имел место в прошлом потомков.

Вывод был однозначный – ничего общего ЭТОТ сентябрь 1942 года с ТЕМ сентябрем того же года не имеет ни в политическом, ни в военном смысле. Отчасти в этом были «виноваты» потомки, отчасти это являлось заслугой людей, присутствующих в этом кабинете. Но были некоторые явления – как, например, скоропостижная смерть Черчилля – которые с любых

логических позиций считались необъяснимыми. А ведь с этой смерти, никак внешне не связанной с эскадрой адмирала Ларионова и ее производными, начались изменения ничуть не меньшие, чем от лихих рейдов механизированного соединения генерала Бережного на советско-германском фронте.

А война на Тихом океане? Один небольшой слив информации японскому военно-морскому атташе привел к тому, что еще как минимум полгода японцы продолжали одерживать верх в сражениях с американским флотом. Коралловое море, вторая Гавайская операция, и вот – вершина дерзости и мастерства, операция по захвату японским десантом Панамского канала. При этом в Москве было известно, что и силы для самой Панамской десантной операции и подкрепления (которые все же решено было отправить в зону канала), берутся из состава лучших элитных соединений Квантунской армии.

Как будто флотские, которые после выигранной битвы в Коралловом море захватили власть в Токио, полностью уверены, что Квантунская армия им никогда не понадобится... А если дело и дойдет до войны с Советским Союзом, она в любом случае не сможет выполнить поставленную задачу.

Кому, как ни Лаврентию Берия, знать, что никакая информация, кроме той, что касалась расшифрованных американцами кодов, Японии не передавалась. Но почему тогда в Токио ведут себя так, словно они знают все – по крайней мере, касающееся хода войны на Тихом океане и послевоенных взаимоотношений в треугольнике «СССР, США и Япония»? Хотя многие из вещей нетрудно предугадать... Так, например, с самого начала было понятно, что Квантунская армия, обученная по стандартам тридцатых годов и предназначенная для войны с плохо вооруженными и недисциплинированными китайцами, вряд ли устоит против мехкорпусов ОСНАЗ, в клочья порвавших опытный и прекрасно вооруженный вермахт.

Японцы вели себя так, будто считали, что стоит закончиться войне в Европе, как отношения между СССР и США резко ухудшатся, после чего СССР в рамках послезнания разорвет союз с Америкой и заключит его с Японской империей, чтобы совместно противостоять американской мировой гегемонии. Ситуация, при которой СССР был бы вынужден пойти на подобную рокировку, считалась маловероятной. Но Борис Михайлович Шапошников высказал предположение, что «флотские», не испытывающие никаких теплых чувств к «армейским», заранее предполагают, что война с СССР после разгрома им германского фашизма наверняка будет. И они заранее делают все, чтобы эта война закончилась как можно быстрее, с наименьшими потерями для обеих сторон. Они хотят потом, после ее завершения, капитулировать по формальным обстоятельствам, чтобы, отдав малое (которое все равно нельзя уберечь от врага), сохранить самое ценное и по факту перейти на сторону самой победоносной армии на планете. А в том, что Красная армия победоносна, никто в Токио уж точно не сомневался.

Но все это будет потом; сейчас же собравшимся предстояло утвердить план операции «Прозерпина», предусматривающей освобождение от вражеских захватчиков Правобережной и Западной Украины, а также определиться с тем, что с некоторыми слоями населения должны делать НКВД и армейская контрразведка, начиная с момента боевых действий. И эти планы тоже составлялись с учетом послезнания, а также исходя из установки, что СССР должен сохранить свое существование в любом случае. А вот то, что касается тех самых «некоторых слоев населения», то это требование обязательного выживания не будет столь обязательным. Как говорил любимый киногерой Сталина: «Презлым заплатил за предобрейшее – повинен смерти!»

* * *

28 сентября 1942 года. 1-й Украинский фронт, Киевский плацдарм, 2-й мехкорпус ОСНАЗ, генерала Катюкова.

Фронтовой шофер, гвардии ефрейтор Иван Голубев.

Одной рукой держусь за баранку, другой переключаю передачи... Это же самый настоящий американский «студебеккер»! Моща! Девяносто пять лошадей мотор, лебедка и привод на все три оси. Мотор при этом не ревет, а мурлычет, словно сытый кот. Но капризный, тварь, как барышня на выданье! И масло ему самое лучшее подавай, и бензин почти авиационный, семидесятый, и уход чтоб был как за малым дитем. Одним словом, ленд-лиз! Но если все сделаешь как надо, то «студер» не подведет, сколько бы ни навалили ему в кузов. Это вам не полуторка, которая по такой дороге больше тонны не увезет, сядет на пузо. У «студера» по пачпорту две с половиной тонны, но если очень надо, то можно грузить и три, и четыре. И если водитель аккуратен, то машина вынесет все. А если выехал на асфальт, то смело грузи все пять. Да только где ты на фронте возьмешь асфальт-то?

А без нас, фронтowych шоферов, тоже никуда. Без нас и танки не пойдут, и пехота будет сидеть голодной и без патронов. Вот и мотаемся туда-сюда по разбитым в хлам дорогам, типа: «привези, отвези, обернись кругом». То раненых в госпиталь, то соляр танкистам, то патроны на передовую, то снаряды артиллеристам, то еще что-нибудь куда-нибудь кому-нибудь. Сейчас, когда я после госпиталя попал в ОСНАЗ, еще ничего стало – товарищ Бережной, наш Михаил Ефимыч и вся Красная Армия страх божий в немца вколотили. А в прошлом году, когда немец был наглый и небитый, фронтвому шоферу под бомбежками и обстрелами было совсем плохо, да и машины были не чета моему «студеру».

Но мы крутили баранку и тогда, когда кругом рвались снаряды, когда с неба валились «лаптежники», воюющие, как голодные волки, когда в распутицу машины садились в грязь по самое брюхо, когда от холода кожа примерзала к железу. Вот даже песня есть про это – душевная, наша, шоферская, фронтвая. На станции, когда стоим под разгрузкой-погрузкой, репродуктор ее часто исполняет. Я хоть и не Марк Бернес, но все одно могу спеть с хрипотцой и надрывом, под урчание мотора, шорох шин, катящихся по земле и гроыхание машины, подпрыгивающей на буграх и выбоинах фронтвой дороги:

*Через горы, реки и долины,
Сквозь пургу, огонь и черный дым
Мы ведем машины,
Объезжая мины,
По путям-дорогам фронтвым.*

*Эх, путь-дорожка фронтвая!
Не страшна нам бомбежка любая,
Помирать нам рановато —
Есть у нас еще дома дела.*

*Путь для нас к Берлину, между прочим,
Будет не легок и не скор.
Через дни и ночи,
Будет трудно очень,
Но баранку не бросит фронтвой шофер.*

*Эх, путь-дорожка фронтвая!
Не страшна нам бомбежка любая,
Помирать нам рановато —
Есть у нас еще дома дела.*

*Может быть, отдельным штатским людям
Эта песня будет малость невдомек.
Мы ж не позабудем,
Где мы жить ни будем,
Фронтовых изъезженных дорог.¹⁰*

Ну да, это теперь бомбежка не страшна. Вон они – наши ангелы-хранители, зенитные самоходки, «Шилками» называются. Четыре ствола – как пожарные шланги, в двадцать три миллиметра, и башня крутится на все четыре стороны света. Шесть штук – по две в голове и хвосте колонны, и еще две в середине, для пушей надежности. Стоит появиться «лаптежникам» или «мессерам» – и готов шквал огня, чтобы разнести этих гадов в мелкие брызги, чтоб не летали где не надо, не портили жизнь честным советским людям.

И даже приказ такой есть от самого товарища Сталина, что за выпуск колонны в дневное время без зенитного прикрытия трибунал любому начальнику – неважно, сколько у него в петлицах шпал или даже звезд. А там, в трибунале, сидят суровые дяди военюристы, которые безо всякой пощады любому начальнику сунут в руки «мосинку» и пошлют на пару месяцев на передок смывать грехи кровью. Есть, значит, забота о простом шофере, чтобы не гибнул почем зря под вражьими бомбами и обстрелами. «Шилка», она ведь не только против «штуки» или «мессера» хороша, она и корректировщика шугнуть может, чтобы не летал на нашей стороне. А без корректировщика какой тут обстрел? Просто так, по кустам, немец снарядов кидать не будет.

Вчера сунулась к нам пара чумовых «мессеров», наверное, новеньких. Один еще ничего: понял, что влип – попытался отвернуть и упал в стороне от дороги почти что целый, только в дырках. А второго, особо упрямого, пара «Шилок» на встречном курсе разобрали прямо в воздухе на запчасти. Одно крыло вправо, другое влево, мотор комом огня в кусты за дорогой; куда делся хвост, вообще никто не видел. Восемь скорострельных стволов, лупящих по одной цели – они не только «мессер», и танк на запчасти разберут.

Врать не буду, до меня дело было, но мужики баяли, что под Курском четыре «Шилки» и столько же БМП из засады перекрестным огнем в борта пожгли с десятков немецких танков и положили до полка пехоты, прорывавшихся из окружения. Потом трупы фрицев во рвы сгребали бульдозерами, потому что взяться там похоронной команде было не за что. Сплошной фарш, как в американской тушенке. Но я сам еще таких страстей не видел, хотя на фронте почитай что с самого начала, с августа сорок первого. Но слушать об этом было приятно. Не только же их «мессерам» в прошлом году было расстреливать наших беженцев – стариков, баб и ребятишек. Отлились германским кошкам наши мышинные слезки.

Ранило меня под Москвою еще в январе; тяжело ранило, думал, не оклемаюсь, но обошлось. Бомба под задний мост попала, «газон» мой, говорят, как перышко по воздуху летел. Как я тогда жив остался, знает лишь Бог. Контузия тяжелейшая, руки-ноги переломанные, да мелких ранений не счесть. Провалился в госпитале полгода. Три месяца пластом лежал, еще два с палочкой да по стеночке ходил, потом, уже летом, отправили в санаторий на Байкал. Получил я отпуск по ранению и поехал в родимую деревню.

Пока я лечился и мотался туда-сюда, оказалось, что еще в январе за героизм под немецкими бомбежками во время наступления под Москвой наградили меня орденом «Красного Знамени». Вышло так, что «награда нашла героя». Вот за этот орден меня и взяли в ОСНАЗ, точнее, в автотранспортный батальон 2-го особого мехкорпуса, водителем на «студебеккер».

¹⁰ Эта песня будет написана лишь после войны, но для поднятия боевого духа ее Марк Бернес стал исполнять уже в 1942 году. Песня подверглась небольшой переделке – с прошедшего на настоящее время.

Тогда, в январе, когда меня ранило, была одна война, тяжелая и кровавая. Каждый из нас делал то, что должно, потому что иначе было никак. Сейчас, в сентябре, когда наш корпус с переформирования снова перебросили на фронт, я вижу, что дела тут идут совсем по-другому, как будто я попал на другую войну. Конечно, пока я валялся по госпиталям, то читал газеты и слушал радио, а потому знал, что мы побеждаем. Но радио или газеты – это одно, а чувствовать это своей шкурой – совсем другое. Сколько шоферских жизней сберегли те самые «Шилки», сколько машин остались целыми, сколько грузов доехало до места, а не сгорело на обочине... Теперь уже не мы должны бояться немца, а немец нас. И если он будет плохо бояться, то с ним будет то же самое, что с теми двумя «мессерами». Так, глядишь, долго ли коротко ли, но и в Берлин мы придем (как и поется в той песне), возьмем кое-кого за причиндалы, намотаем на тяжелый шоферский кулак и поспрашиваем с пристрастием – почто эти гадины устроили нам внезапное нападение без объявления войны. Теперь пусть извиняют, если что, мы таких шуток не понимаем. Как говорят тут, в ОСНАЗе: «Глаз на дупу натянем и моргать заставим»...

* * *

30 сентября 1942 года. Вечер. Гомельская область, Мозырский район. Лесной массив в 20 км юго-западнее Мозыря. Временная база Сумской рейдовой бригады ОСНАЗ.

С середины мая по конец августа Сумское рейдовое партизанское соединение под командованием Ковпака находилось в непрерывном движении, двигаясь по Левобережной, а потом и Правобережной Украине, да с такой резвостью, что немецкие оккупанты и их пособники никак не могли поймать дерзких «ковпаков». Карательные отряды, сформированные из смеси немцев и местных коллаборационистов, обычно запаздывали на два-три дня, а партизаны шли дальше, оставляя за собой взорванные мосты и водокачки, спиленные телеграфные и телефонные столбы, повешенных на осинах полицаев, бургомистров и прочих прислужников «нового порядка».

Выскользнув из-под Навли перед самым началом Брянско-Орловской операции, соединение Ковпака пошло по Слобожанщине извилистым и трудным путем. Выгоничи, Почеп, Погар, Суземка, Середина Буда, Новгород-Северский, Шостка, Кролевец и, наконец, родной для Ковпака Путивль. Путивль, как и в нашей истории, партизанское соединение взяло штурмом и держало чуть больше суток. Но случилось это не тогда, когда Красная армия была не в силах поддержать успех партизан, а когда танки Бережного мчались к Сумам, и за ними широким веером двигалась советская кавалерия. Фронт германской группы армий «Юг» развалился, и немцы – те, которым повезло – сломя голову драпали к Днепру, бросая все, без чего можно было обойтись. А следом по миру летели сводки Совинформбюро, неся радостные известия, что в летней кампании сорок второго года Красная Армия одержала такую победу, после которой можно смело заявлять, что наступил коренной перелом в ходе советско-германской войны.

– Вот бисов сын, – шуточно пожаловался Сидор Ковпак Петру Вершигоре, имея в виду Бережного, – перелякал всех германцев, шоб они были неладны, шукай их теперь по всей Украине. Но как идет, как идет, чертяка, смотреть любо-дорого. Вот помню, товарищ Буденный в двадцатом годе также прошел по польским тылам, только свист стоял по Украине...

Впрочем, товарищ Буденный тоже не собирался почивать на лаврах двадцатого года; его конно-механизированная армия, войдя в чистый прорыв, оставшийся после корпуса Бережного, повернула на Киев. Под копытами коней и гусеницами легких танков и БМП загудела украинская земля.

Поэтому, оставив Путивль подошедшим передовым отрядам кавкорпуса генерала Жадова, партизанское соединение Ковпака (которому отнюдь не улыбалось остаться на занятой советскими войсками территории), как предвестник наступающего фронта, зигзагами рва-

нуло по направлению к Днепру, буквально наперегонки с Буденным. Конотоп, Бахмач, Прилуки, Пирятин, Переяславль-Хмельницкий... и форсирование Днепра с захватом мостов в Каневе. И снова – разгромленные немецкие и полицейские гарнизоны, повешенные полицаи и бургомистры. И все это с шумом, топотом, свистом и хохотом, как это только может делать лихая и разгульная малороссийская душа.

Вооружены партизаны в этом рейде были богато. Пулеметов просто завались – и под русский винтовочный патрон, и, что более актуально, под германский маузеровский. Штурмовые автоматы под германский парабеллумовский патрон, положенные ковпаковцам как ОСНАЗу. Гранатометы (копия РПГ-7), личная артиллерия с фугасными, зажигательными и даже небольшим количеством кумулятивных гранат. Особенно «шайтан-труба» полюбились бойцам третьей роты, которой командовал небезызвестный Карпенко, бывший сержант ВДВ, а ныне, за особые заслуги, лейтенант частей особого назначения. Тем более что при особой сноровке стрелять из этого гранатомета можно было прямо с седла, и случайно встреченный немецкий танк (или там, к примеру, дзот) не был теперь такой уж тяжелой проблемой.

Форсировав Днепр почти одновременно с освобождением Буденным Киева, и сдав мосты под охрану переброшенному по воздуху десантному батальону, Ковпак по широкой дуге повернул на север, пройдя через Корсунь-Шевченковский, Белую Церковь, Казатин, Бердичев, Шепетовку, Новоград-Волынский, Коростень и Овруч в Мозырские леса. Если на Левобережной Украине рейдирующее соединение старалось навести побольше паники, разогнать и уничтожить немецкие и полицейские гарнизоны, при этом оставляя в неприкосновенности транспортную инфраструктуру, захваченные склады и прочие стратегические объекты, то на правом берегу Днепра все было по-другому. Вздыхающееся до небес пламя над железнодорожными станциями, элеваторами, складами ГСМ, взрывы всего, что только можно взорвать – от мостов и водонапорных вышек до стрелок и семафоров – делали этот рейд похожим на нашествие гуннов Аттилы.

Встречные мелкие части врага (преимущественно так называемые евровейска), ковпаковцы громили походя, по принципу «не столько съем, сколько понаядкусываю». Некоторые вражеские солдаты (в основном мобилизованные гитлеровцами французы и бельгийцы, а также англичане) спешно брошенные на штык гнилого Восточного фронта, поднимали руки и переходили на сторону ковпаковского соединения. В своей массе это были солдаты и сержанты старших возрастов, участники ТОЙ войны, еще помнившие Аррас, Сомму и Верден. Иногда это даже были целые подразделения вместе с офицерами. А что вы с ними прикажете делать – не расстреливать же на месте и не прогонять обратно к немцам... Вот и тащился за рейдовой бригадой так называемый двенадцатый батальон, составленный из разного рода иностранцев, местными остряками еще именуемый «Иностранным легионом».

Особой боевой ценности это подразделение не представляло, партизанскую науку понимало плохо; и Ковпак, заодно с начштаба Базымой, искали способ переправить все эту обузу «Имени дружбы народов» за линию фронта. Пусть там у специально обученных людей о них голова болит. А ковпаковцам и без иностранных бездельников есть чем заняться. Комиссар Руднев придерживался той же позиции, потому что коммунистов и им сочувствующих в «Иностранном легионе» почти не было, а были социал-демократы разного толка, обычно настолько скользкие, что порой после общения с ними хотелось помыть руки.

За почти полтора месяца стоянки в мозырских лесах «Иностранный легион» большей частью удалось переправить на Большую землю. Там после переворота в Британии и исчезновения де Голля формировалась своя просоветская «Сражающаяся Франция», включающая, помимо прочего, и почти готовую к отправке на фронт авиаэскадрилью «Нормандия» под командованием майора Жана Тюляна. Те французские солдаты и офицеры, что раньше из колоний бежали в Лондон, теперь потянулись в СССР. А позже к ним добавились и те, которых взяли в плен во время летней кампании. Конечно, все это было похоже на пристраивание дома

к крыльцу, но других, более удачных вариантов нет, да и вряд ли будут. Впрочем, ковпаковцев такие тонкости мало волновали – французы с воза, кобылам легче.

Тут, юго-западнее Мозыря, настроение было боевым. Хлопцы отдохнули, отоспались после трех месяцев непрерывных рейдов и снова рвались в бой. Опустевшие пароконные подводы, запасы боеприпасов и вооружения с которых израсходовались во время рейда, снова ломались от уложенного на них груза, и помпохоз Павловский, к своему огорчению, не знал, куда приткнуть лишний ящик с медикаментами. Соединение Ковпака было «беременно» новым рейдом, тем более что за время длительной стоянки крупного рейдового отряда на одном месте настырное ГФП разнюхало о месте его стоянки. За отсутствием кадровых охраняемых частей, превращенных приказом ОКВ в обычную пехоту, германское командование стало стягивать к Мозырским лесам сборную солянку из украинских националистов, прибалтийских «лесных братьев», норвежских «квислингов» и шведских добровольцев. Но это уже не играло роли, так как не только ковпаковцы рвались в новый рейд, и соответствующий приказ уже был у Деда на руках. К новому наступлению были готовы все три Украинских фронта. Соответствующие приказы поступили – и тишине на линии фронта от Полесских болот до румынской границы предстояло продержаться всего несколько часов. Одним словом, «дан приказ ему на Запад!»

* * *

1 октября 1942 года. Раннее утро. 1-й Украинский фронт, Киевский плацдарм.

Раннее утро. Ночной заморозок схватил ледком лужи, заставляя мерзнущих часовых в окопах опускать уши пилоток. На востоке только-только завиднелись первые проблески зари. И только высотный разведчик-корректировщик русских нарезает широкие круги в осеннем небе, подобно жаворонку встречая наступающий рассвет. Там, на высоте двенадцати километров, где в разряженном воздухе поют его моторы, солнце уже встало, зачиная новый день.

Высотный разведчик Ту-2Р, хладнокровный дирижер войны, восхваляемый одними и проклинаемый другими, несет свою службу там, куда не способна подняться ни одна птица и куда не долетают зенитные снаряды. После рассвета от его внимания не укроется ни одна пушка, ни один танк или пылящий по проселку автомобиль. У люфтваффе на этом направлении нет истребителей, способных забраться на такую высоту. Но если бы они и были, то у них бы ничего не вышло в плане поражения противника. Ведь пока «мессершмитты» будут карабкаться вверх, высотный разведчик успеет вызвать прикрытие из сидящей на аэродроме подскока¹¹ четверки специальных пушечных МиГ-3 с ракетными ускорителями для быстрого набора высоты, после чего легко отступит под их защиту. А там, где больше семи тысяч метров, именно МиГ – король неба, и немецкие летчики об этом знают. Поэтому, едва завидев вздымающиеся в небо пушистые инверсионные следы, они отказываются от атаки и, перейдя в пикирование, спасаются бегством.

В этот предрассветный час Гансы, Фрицы, Пьеры, Францы, а также прочие Кароли, Максимилианы и Бенджамены, стоящие на постах, наконец с облегчением вздыхают и вспоминают свою маму и родной дом. Ночь прожита – ужасный русский ОСНАЗ не пришел, их не убили снайперы из бесшумных винтовок, не зарезали и не утащили в русский плен ночные призрак. Какой черт их занес в эту ужасную Россию, на Восточный фронт, где каждый день как последний, а каждый миг грозит смертью? Прилетела в грудь тяжелая пуля снайпера, бьющего с дистанции километр-полтора – и все, человека разрывает на части...

¹¹ Аэродром подскока – аэродром, предназначенный для кратковременной стоянки, пополнения боевого комплекта, дозаправки, обслуживания и ремонта самолетов, с целью увеличения дальности действия авиации.

Едва стрелки часов показали 05:30 (по берлинскому времени), как утреннюю зарю затмили сполохи бьющих беглым огнем «сталинских органов». Багровое зарево с вылетающими из него стремительными комьями огня встает до небес, а десять-пятнадцать секунд спустя до немцев и прочих европейцев, согнанных в окопы под Киевом, докатывается ужасающий режущий вой, заглушающий грохот тяжелой артиллерии и предвещающий ужасный удар, уничтожающий все живое и сводящий с ума тех, кто чудом сумел выжить... Именно ради этой операции на киевском плацдарме сосредоточились четыре дивизии артиллерийского прорыва РВГК.

В артиллерийском гуле резко выделяются кашляющие звуки сверхтяжелых «Тюльпанов», с легкостью раскалывающих крыши самых прочных железобетонных дотов, и звонкие выстрелы выдвинутых на прямую наводку противотанковых БС-3, за счет своей исключительной точности и настильности траектории поражающие дзоты первой линии прямо во фланкирующие амбразуры. Под прикрытием огненного шквала советские саперно-штурмовые группы переваливаются через брустверы окопов и по подмерзшей траве нейтралки отправляются делать свое дело – резать проволочные заграждения и устанавливать контейнеры с противоминными устройствами «Тропа» для проделывания проходов в минных полях атакующим танкам и пехоте.

А высоко в небе, поверх этого бушующего ракетно-артиллерийского ада, в несколько эшелонов в сопровождении множества «яков», «лавочкиных» и американских «аэрокобр» густо плывут девятки «тушек», «пешек», ленд-лизовских «митчеллов» и «бостонов». Их цель – в глубине вражеской обороны: артиллерийские полки зарывшихся в обороне вражеских дивизий и отдельные артдивизионы пехотных бригад, не добитые контрбатареинным огнем, железнодорожные станции, рокадные дороги, склады и штабы – удар по этим целям призван сковать противнику маневр резервами, уменьшить огневую мощь артиллерии и затруднить управление войсками.

Полтора часа огненного шторма, выжигающего все живое – и вот орудия смолкают, взлетает зеленая ракета, и на советской стороне раздается громовое «Ура!!!» идущей в атаку пехоты. В ответ на это немецкие солдаты, отсидевшиеся в прочных блиндажах второй и третьей линий обороны, вылезают из укрытий и по ходам сообщения бросаются в окопы отражать натиск этих безумных «иванов». Но все вокруг еще затянуто пылью и дымом, немцы ничего не видят, только слышат ужасающий, накатывающийся на них крик, и торопливо открывают огонь из всех стволов в серую колышущуюся муть, слишком густую, чтобы иметь естественное происхождение.

В этот момент на немецкие окопы обрушивается еще один залп гвардейских минометов, которые за полтора часа артподготовки успели отойти в тыл, перезарядиться и вернуться на огневые позиции. На самом деле разрыв в артподготовке был ловушкой; атака только изображалась для того, чтобы скрывающиеся в укрытиях немцы вылезли на свет божий под залпы «катюш».

Дальше все просто. Находящиеся наготове саперно-штурмовые группы по проделанным заранее ходам одним рывком достигают немецких окопов, гранатами и автоматным огнем принимаясь исправлять «недоделки» артиллеристов. А за ними во весь рост, топая сапожищами и засучив рукава, ошетилившись штыками тысяч винтовок, движется сама «царица полей» – матушка-пехота. Вот она уже в окопах и сменяет в первой линии бойцов саперно-штурмовых групп. Треск выстрелов, взмахи прикладов и штыков. Сдайся враг, замри и ляг! Правда, сдаваться, в общем-то, бесполезно, потому что пленных в суতোлке штурма тут, как правило, не берут.

Над вражеским рубежом обороны взлетает три зеленых ракеты, говорящие о том, что взята третья траншея, а расчеты немногочисленных германских противотанковых орудий, уцелевших при артподготовке, расстреляны из автоматов, изрублены саперными лопатками и

заколоты штыками, а через минные поля саперами проложены размеченные колеиные проходы. Солнце уже стоит высоко, и настало время вводить в прорыв подвижные части. Ответом на этот сигнал стал рев сотен моторов и ржание тысяч коней за второй полосой советской обороны – там, где на исходных рубежах сосредоточены части мехкорпуса ОСНАЗ генерала Каткукова и конно-механизированной армии маршала Буденного. Началось. Гремя огнем, сверкая блеском стали, механизированная лавина двинулась вперед.

Форсировав захваченные окопы, мехкорпус Каткукова смял тылы оборонявшейся на этом направлении эльзасской франко-германской дивизии и вышел на шоссе Киев-Житомир, где, по данным авиаразведки, отсутствовали боевые части противника, но которое вплоть до самого Житомира заполнили драпающие немецкие тыловики. Получив доклад об этом, на НП фронта командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Жуков снял трубку телефона ВЧ и доложил в Москву «товарищу Иванову», что фронт прорван и танки Каткукова вышли, говоря танковым языком, «на магистраль».

* * *

1 октября 1942 года. 12:35. Москва. Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник Генерального Штаба – генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский.

Верховный Главнокомандующий и начальник генерального штаба рассматривали карту. К полудню 1 октября ширина чистого прорыва немецкого фронта под Киевом составила уже больше пятидесяти километров, адвигающийся, не встречая сопротивления, в оперативной пустоте мехкорпус Каткукова, не забывая давить немецких обозников, уже подходит к Житомиру.

Примерно то же, что на 1-м Украинском фронте у Жукова, происходило еще на двух фронтах: на 2-м Украинском у Конева (там от Кировограда на Умань и Винницу начал свой победный марш механизированный корпус ОСНАЗ Бережного), и на 3-м Украинском у Ватутина (там от Бельцов на север по предгорьям Карпат в сторону Черновцов и Станислава двинулась 3-я танковая армия Ротмистрова, уже созревшая для переформирования в мехкорпус ОСНАЗ). Остановить их не имеющей резервов группе армий «Северная Украина» просто нечем и некем, тем более что ее командующий, генерал-лейтенант Антон Достлер, назначенный на эту должность после пленения генерал-фельдмаршала Листа, полководцем был более чем посредственным, и поэтому никаких чудес с его стороны ждать не приходилось.

Пройдет еще дней десять – и, преодолев от шестисот пятидесяти до четырехсот километров, все три ударные группировки выйдут на линию госграницы, и произойдет это как раз к началу дождей, которые вызовут распутицу. На всем советско-германском фронте наступит оперативная пауза на месяц-полтора. Потом выпадет снег, ударят морозы, и начнется зимняя кампания, в ходе которой немецко-фашистских захватчиков окончательно прогонят с советской земли... А вслед за этим возникнут предпосылки для окончательного разгрома врага.

* * *

3 октября 1942 года, Полдень. Украина, деревня Романовка.

Оберштурмфюрер СС Михаэль Виттман.

Русские, как всегда, неожиданно прорвали фронт, и в эту дыру стремительным потоком рванулись их панцеры. В то время я с подчиненными мне болванами – гауптшарфюрером

Мартинином Штройфом и унтершарфюрером Гансом Бельтером не спеша на поезде двигался к фронту в направлении Киева. Там нам предстояло испытывать в боевых условиях новейшую технику – тяжелые танцы «Тигр», детища гениальных (так нам сказали) германских конструкторов Фердинанда Порше и Эрвина Адера, изделия которых, по слухам, очень понравились фюреру.

Не знаю, что там ему понравилось, но на самом деле этот «Тигр» – ужасное дерьмо. Тяжелый, неповоротливый, пройдет не по всякому мосту, особенно в России. А если, не дай Бог, угодит в грязь, то обязательно застрянет в ней. В России же грязь, особенно осенью – такое же естественное явление природы, как зимний снег и летняя удушающая пыль, когда уже в третьей машине в колонне совершенно нечем дышать, а на стоянках экипажи начинают отхаркиваться густыми комками, состоящими из слюны и пыли. Хорошо еще, если ветер боковой; а если встречный, или, не дай Бог, попутный? Тогда глотаешь пыль и вспоминаешь разные неарийские слова, на которых изъясняются между собой здешние унтеменши.

Но пока Создатель нас миловал. Нет ни пыли, которую уже успели прибить редкие дождички, ни разверзшихся хлябей небесных сверху и грязевого месива снизу, в которое даже танцы садятся на днище. В прошлом году было то же самое. Не успели мы привыкнуть к прекрасной погоде без испепеляющего летнего зноя и вездесущей пыли, как зарядили сплошные дожди, и наша армия тут же влипла в русскую грязь, как муха в патоку.

Впрочем, ударившие позже морозы тоже не принесли нам особого счастья. Машинное и оружейное масло замерзло, а чтобы завести танец, под ним вопреки всем правилам пожарной безопасности требовалось развести костер, иначе смазка становилась такой густой, что двигатель был не в силах повернуть коленвал, не говоря уже о трансмиссии, масло в которой тоже надо было как-то разогреть.

Но страшнее любой грязи, пыли и мороза – сами русские, которые сперва усиленно прикидываются дурачками, чтобы на них поскорее кто-то напал, а потом, очнувшись от дремы, хватаются за дубину и начинают лупить нас чем ни попадя.

Самые страшные войска у русских – это моторизованный ОСНАЗ, но с ним я пока не встречался – повезло. Те же, кто встречался, теперь, как правило, уже ничего рассказать не могут. Говорят, что бой с новейшими русскими танцами, лишь отдаленно похожими на Т-34, чреват не рыцарским, а березовым крестом на могилку. Говорят, что пушки этих новых русских танцев имеют баллистику зенитного орудия калибром в восемь с половиной сантиметров и с легкостью пробивают пятисантиметровую лобовую броню «троек», «четверок» и «штугов» с километровой дистанции. Одна лишь радость от «Тигра», что он толстокожий, с лобовой броней в двенадцать сантиметров и наверняка не по зубам пушкам новых русских танцев.

Меня мучают нехорошие предчувствия, потому что на этот раз нам придется иметь дело как раз с русским моторизованным ОСНАЗом, который после того, как русские прорвали фронт, вышел на наши коммуникации. Когда мы по приказу генерал-лейтенанта Антона Достлера разгружались в Новоград-Волынский, чтобы остановить разогнавшихся русских, я видел жирные трясущиеся от страха рожи и бегающие глазки интендантов, спешно грузящих в вагоны всякую хрень вроде мебельных гарнитуров или разных там музейных экспонатов. Пока мы будем героически сражаться с русским моторизованным ОСНАЗом, выясняя, насколько этот дурацкий «Тигр» стоит потраченных на него сотен тысяч рейхсмарок, эти скоты будут спасать свое барахло.

Позицию моему 102-му тяжелому танцевальному батальону СС (это по бумагам, а на самом деле всего три танца, пусть и очень мощных) я выбрал на окраине деревни Романовка – там, где дорога, вдоль которой будут наступать эти русские, проходит через небольшой лесной массив. Причем с одной стороны от этого массива – русло заболоченной речушки, а с другой – та самая Романовка, среди изб и сараев которой легко можно замаскировать наши машины. Конечно, я не отказался бы от батареи «штугов» с новыми длинноствольными пушками, но их в моем

распоряжении не было. Почти все наши танцы – все, что смогли дать вермахту германские заводы за полгода – полностью сгорели во время неудачного летнего наступления.

Машины Штройфа и Бельтера я приказал разместить и замаскировать прямо в деревне. Если они при этом и разнесут парочку изб или сараев, то местным дикарям на это будет грех жаловаться. А сам я со своим танцем занял позицию на опушке леса. Не успело солнце подняться в зенит, как показался русский разведывательный отряд, состоящий из трех легких танцев, густо облепленных их танцгренадерами, и нескольких приземистых гусеничных машин поменьше, плоских, будто они побывали под прессом. А примерно в километре позади разведки двумя колоннами шли средние русские танцы. Я высунулся из люка и посмотрел в бинокль на приближающегося противника. Танцы русских выглядели странно. Их башни и лобовые листы были сплошь усеяны бугристыми прямоугольниками, из-за чего они смахивали на огромных черепах, гордо задравших свои носы.

Приказав заряжать бронбойный, я нырнул в люк. Настало время сражаться и героически умирать. Русских было очень много. Вслед за первой колонной на горизонте нарисовалась следующая. Шанс выжить у нас был только в том случае, если «Тигры» и в самом деле окажутся такими неуязвимыми, как об этом нам (и фюреру тоже) дудели в уши их создатели. Начать бой должны были Штройф и Бельтер, открыв огонь с фланга по русской колонне, а когда русские танцы начнут отвечать, то сопровождавшие нас в качестве охраны мотоциклисты СС подпалят в деревне несколько сараев с целью замаскировать свою стрельбу.

Так все и произошло. Два головных легких танца мои подчиненные подбили первыми же выстрелами – машины загорелись и густо зацедили. При этом приземистые небольшие машинки неожиданно шустро кинулись врассыпную подобно тараканам, а третий легкий танец из головного дозора двинулся прямо в мою сторону, то прибавляя, то сбрасывая скорость. Два моих болвана, сделав несколько выстрелов, так и не смогли в него попасть. Этого русского пришлось подбить мне. И когда он ярко вспыхнул, насквозь пробитый бронбойным снарядом из «ахт-ахта» моего танца, я порадовался очередной своей удаче. Как оказалось, радовался я зря, потому что раскрыл свое местоположение русским наводчикам. Пора было делать ноги – в нашу сторону уже стреляли несколько русских машин.

Но, понадеявшись на неуязвимость «Тигра», я решил удерживать эти позиции до конца и взял под обстрел мельтешащие чуть поодаль русские танцы, готовящиеся развернуться в боевой порядок, чтобы атаковать деревню, где укрепились мои кригскамрады (боевые товарищи).

Несколько русских машин замерли неподвижно, но ни одна из них не загорелась и даже не задымилась. Возможно, расстояние было слишком велико, а быть может, у них имелась хорошая противопожарная защита. Русские танцы с их дизельными моторами горят вообще плохо, а если на двигатель поставить хороший огнетушитель, то поджечь их танки станет вообще невозможно. Русские тоже стреляли в меня, причем из десятка машин сразу. Но их снаряды не могли пробить нашу броню и лишь высекали из нее искры.

Так продолжалось с четверть часа. И когда я почти уже уверовал в свою неуязвимость, вдруг почувствовал удар по машине, и тут же водитель закричал, что у нас сбита левая гусеница. «Тигр», скрежеща, задержался, и тут же два снаряда поразили нас в левый борт. Один разбил каток, а второй пробил броню башни, превратив наводчика в грудку мяса. Это были те самые «плоские» машинки с тонкими, как рапиры, пушками, которые я поначалу посчитал безвредными. Теперь они расстреливали мою «кошку», повернувшуюся к ним боком, словно в тире. Еще один удар в корму – и в боевом отделении едко завоняло гарью. Помня, что у подбитого мною русского на броне были танцгренадеры, я рванулся к нижнему люку, спеша открыть его и выбраться наружу. Я-то успел, а заряжающий Карл, который пропустил меня, как командира, первым, живо сгорел в машине.

Ползком пробравшись между гусеницами, я добрался до придорожной канавы и, отчаянно работая локтями и коленями, стараясь не поднимать голову, пополз в противоположную от русских сторону. Потом, почувствовав себя в безопасности, я вскочил на ноги и со всех ног помчался в тыл, на ходу думая о том, какие слова я скажу тем придуркам, которые уверяли меня, что «Тигр» абсолютно неуязвим.

Забравшись за пылавшие дома русской деревни, я услышал сильный взрыв. Обернувшись, я и увидел то, что и ожидал. Русские плоские ягдпантеры подбили машины моих подчиненных... Позже меня догнали два наших мотоциклиста. За спиной у одного из них сидел гауптшарфюрер Мартин Штройф. А унтершарфюрер Ганс Бельтер героически погиб вместе со своим экипажем, когда в их панцере взорвался боекомплект, почти не израсходованный. Забравшись в коляску второго мотоцикла, я возблагодарил Всевышнего за то, что уцелел в этом аду. Мы покатали на запад, подальше от наступающего русского стального катка, который неумолимо двигался вслед за нами, и который, как я понял, ничто уже не в силах остановить.

* * *

5 октября 1942 года, Полдень. Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Белый Дом, Овальная кабинет.

Присутствуют:

Президент США Франклин Делано Рузвельт;

Помощник президента Гарри Гопкинс;

Военный министр полковник запаса Генри Стимсон;

Военно-морской министр майор запаса Франклин Нокс;

Начальник штаба президента адмирал Уильям Дэниэл Лехи.

В течение двух недель несколько сотен тяжелых бомбардировщиков Б-17 «Летающая крепость», Б-24 «Либерейтор», а также средних бомбардировщиков Б-25 «Митчелл» и Б-26 «Мародер», вылетающих с американских авиабаз в Гондурасе и Колумбии, а также с «приватизированных» Пентагоном английских аэродромов на Ямайке, Барбадосе и в Белизе, совершали налеты на зону Панамского канала. При этом они перемалывали бомбами не только панамские джунгли, где окопался японский экспедиционный корпус, но и разносили в щебень города этой латиноамериканской страны, включая ее столицу. Этот, мягко говоря, неоднозначный шаг вызвал далеко идущие последствия.

На стороне Японии выступили панамцы, возглавляемые свергнутом год назад законно избранным президентом страны Арнульфо Ариасом, лидером Национал-Революционной партии. Он, воспользовавшись царившим в Панаме хаосом, сверг проамериканское правительство и заявил о прекращении боевых действий против стран Оси (которые после объявления войны никто и не думал вести) и объявил войну США. Сформированные им отряды антиамериканского ополчения «Дигнидад» (Достоинство) немедленно присоединившиеся к японским войскам.

А вот тут все было уже «по-взрослому». От зажженной спички, поднесенной к Панаме, могла запылать вся Латинская Америка. Чтобы потушить этот пожар, американская авиация сейчас и превращала в щебень панамские города, не имеющие элементарной системы ПВО. Взлетающие навстречу японские «Нули» и трофейные Кертисы Р-40 вступали в схватку с новейшими «Мустангами» эскорта, добираясь до неуклюжих, словно стельные коровы, тяжелых бомбардировщиков – и американские самолеты, объятые пламенем, падали в джунгли с панамского неба...

Защитить от налетов панамские города и позиции своих войск японские летчики-истребители, разумеется, не могли. Но они заставляли американскую авиацию платить кровью за каждый налет. Значительно больший ущерб американской авиации нанесли ночные рейды

базировавшихся на Галапагосских островах японских бомбардировщиков G3M «Нелл», нанесших удары по аэродромам, где базировались американские тяжелые бомбардировщики, после чего, отвлекшись от бомбардировок Панамы, американское командование превратило свою бывшую базу на Галапагосах в лунный пейзаж, понеся при этом дополнительные потери. Короче, война за Панамский канал была вполне реальной, ничуть не уступая по ожесточению знаменитой битве за Гуадалканал, случившейся в нашей реальности примерно в то же время.

Судьба сбитых над Панамой американских пилотов была печальна. Те из них, кому удалось выбраться с парашютом, потом завидовали своим сгоревшим заживо товарищам, ибо казни, которым их подвергали разъяренные панамцы и японские солдаты, были мучительны и изощренны. Японская военщина, которой адмирал Ямамото категорически запретил притеснять союзных Японии панамцев, всю свою ярость и жажду мести обрушила на американских военнопленных.

Впрочем, истреблять их до конца японскому командованию было невыгодно, ибо американские солдаты и офицеры, взятые в плен на Панамском перешейке, Филиппинах и Гавайском архипелаге, служили заложниками, гарантирующими неприменение американским командованием химического оружия против японского экспедиционного корпуса на Панамском перешейке. Если на японские войска с неба начнут падать химические бомбы, японское командование немедленно начнет казнить заложников, а также гражданских лиц, проживавших на Гавайских островах, численность которых на сороковой год составляла около четырехсот тысяч человек. Правда, треть от этого количества составляли коренные гавайцы и выпущенные из концентрационных лагерей этнические японцы. Зато остальное население – филиппинцы, китайцы, и, самое главное, черные и белые американцы – станет объектом возмездия за действия американских военных, нарушающих правила ведения войны.

Однако последние не собирались применять химическое оружие, в основном по причине его неэффективности в условиях тропических джунглей, сильных ветров и огромных площадей, на которых до высадки американцев могли рассредоточиться японские войска. Кроме того, у американцев просто не было такого количества самолетов, с помощью которых можно было сразу накрыть удушающим облаком всю зону Панамского канала (около 1500 квадратных километров) и тем более добиться, чтобы химическое заражение продержалось хотя бы шесть-восемь часов, чтобы у японских солдат успели сесть основные и запасные фильтры противогазов.

К тому же аэрофотосъемка показывала, что уже через неделю японской оккупации спастись в зоне канала было уже нечего. Все шлюзы были взорваны, и теперь японские саперы старательно разрушали ложе канала, превращая его в изуродованную взрывами канаву. Притопленные на выходе из озера Гатун два устаревших японских линкора, чьи трюмы и бортовые отсеки, по данным разведки, спешно заливались бетоном, развернули стволы своих орудий в направлении Атлантического океана, готовясь залпами главного калибра встретить американский десант. При этом налеты тяжелых бомбардировщиков на эти импровизированные форты не принесли успеха, потому что добиться прямого попадания у американских летчиков никак не получалось, а близкие разрывы бомб не особо угрожали забетонированным и сидящим на мели японским кораблям.

Кроме этих проблем, у Соединенных Штатов возникла еще одна, причем прямо под боком. Взбодренный успехами Японской Империи, канадский премьер Макензи Кинг – либерал, антисемит, антикоммунист и гитлеролюб – подзуживаемый прогитлеровской хунтой, которая правила в настоящий момент в Великобритании, начал готовить почву для высадки в Канаде японских и германских войск «ради того, чтобы скорее закончить эту злосчастную войну». Эти поползновения всерьез озаботили не только Вашингтон, но и Москву, ведь в этом случае под ударом оказались бы как пути следования Арктических конвоев в Мурманск, так

и Тихоокеанский путь для поставок грузов из США в СССР – Сан-Франциско-Владивосток, а северная граница США превратилась бы в еще один фронт мировой войны.

В этих условиях специальный помощник президента Рузвельта Гарри Гопкинс еще раз слетал в Москву и вместе с документами о военно-техническом сотрудничестве привез оттуда официальную бумагу за подписью Верховного Главнокомандующего. Этот юридически обязывающий документ со всеми положенными подписями и печатями гласил, что в обмен на признание законности действий Советского Союза против скандинавских профашистских режимов советское правительство признает право Соединенных Штатов устранить возникшую угрозу любыми возможными средствами, вплоть до ввода на канадскую территорию оккупационных американских войск и отстранения от власти действующего канадского правительства. Dixi!

Внимательно перечитав этот документ, удостоверившись, что раздел мира между СССР и США стал реальностью, Франклин Делано Рузвельт отложил ее в сторону и, внимательно посмотрев на своего военного министра, сказал:

– Мистер Стимсон, передайте генералу Паттону мой приказ о начале проведения операции «Прометей». С Богом! Надеюсь, что обойдется без большой крови. Через двадцать четыре часа этот придурок Макензи Кинг должен сидеть перед мистером Биддлом и каяться в своих прегрешениях. На этом с Канадой все. Мистер Лехи, сообщите, что там у вас с Панамским каналом?

– Мистер президент, – сообщил адмирал Лехи, – бомбардировки японских позиций в зоне Панамского канала продолжаются, но ничего, кроме уничтожения наших же береговых укреплений на Атлантическом побережье и разрушения панамских городов, нам пока не удалось добиться. Особую проблему для нас могут составить два линкора, которые японцы ввели в озеро Гатун и посадили на мель у его восточного берега. Их артиллерия главного калибра может обстреливать наши возможные плацдармы для десанта на Атлантическом побережье. Добиться прямых попаданий в эти линкоры нам пока не удастся, а без их уничтожения наше командование отказывается посылать десанты, ведь под огнем двадцати четырех четырнадцатидюймовых орудий они не продержатся и суток. Кроме прочего, эти линкоры имеют мощное зенитное вооружение. Судя по плотности зенитного огня в ходе подготовки к этой операции, с них сняли башни с шестидюймовыми орудиями среднего калибра и заменили их спаренными пятидюймовыми универсальными установками. При каждой попытке их уничтожения мы теряем несколько тяжелых бомбардировщиков. Что касается самого канала, то, согласно данным аэрофотосъемки, он целиком выведен из строя. Японцы взорвали все шлюзовые сооружения и сейчас методично приводят в негодность остальное. Если это безобразие прекратится прямо сейчас и территория канала вернется под наш контроль, все равно понадобится не менее года для восстановления его работоспособности.

– Понятно, мистер Лехи, – хмуро сказал Рузвельт, – ломать – не строить... Продолжайте налеты, только пока не трогайте линкоры. Мистер Гопкинс вместе со всем прочим привез из Советской России лицензию и документацию на производство одной хорошей штуки, которая позволяет русским с высочайшей точностью поражать точечные и хорошо защищенные объекты на территории Германии. Лучше не спрашивайте, какую сумму нам пришлось выложить за эту лицензию, но как только наша промышленность освоит производство этого девайса, японским линкорам придет конец.

Взгляд президента остановился на морском министре.

– А ваша забота, мистер Нокс, – сказал Рузвельт, – скорейшее вступление в строй новых кораблей. После уничтожения Тихоокеанского флота мы оказались в зоне наших интересов без боевых кораблей. И это абсолютно нетерпимо. Восстановление военно-морской мощи – наша насущная задача, и вы должны заниматься этим денно и нощно. На этом все, джентльмены, можете быть свободны, но помните, что наши враги не дремлют.

* * *

8 октября 1942 года, 16:15. Стокгольм, морской порт и окрестности.

Командир гвардейской, ордена Ленина, штурмовой бригады морской пехоты ОСНАЗ гвардии полковник Василий Филиппович Маргелов.

Стокгольмский порт горит жирным удушливым дымом, как он должен был гореть, наверное, еще двести с лишним лет назад, во времена Петра Первого, если бы тот решился завершить Северную войну захватом вражеской столицы и подписанием капитуляции поверженного врага на ее руинах. Помимо порта, чадным пламенем пылают казармы Гвардейской дивизии, несколько часов назад во время авианалета накрытые сразу несколькими корректируемыми тяжелыми бомбами объемной детонации¹². Но обо всем по порядку...

Три дня назад, пятого октября, наше правительство предъявило Швеции ультиматум, чтобы в течение семидесяти двух часов, с нуля часов времени по Гринвичу, шведское правительство прекратило снабжение через свою территорию оружием, техникой и боеприпасами германской группировки, дислоцированной в северной Норвегии, а также прервало с Третьим рейхом всякое торговое и военное сотрудничество, то есть прекратило поставлять в Германию железную руду, высокосортную сталь и вооружение. Ведь 40-миллиметровые зенитные орудия, изготовленные на заводах шведской фирмы «Бофорс», прямым из Швеции отгружались в Германию. Как я понял, последней каплей, переполнившей чашу терпения товарища Сталина, стала атака нашей подводной лодки в нейтральных водах шведскими миноносцами, что сопровождал немецкий транспорт, идущий в германские порты с грузом подшипников.

В ультиматуме говорилось, что в случае отказа принять его СССР будет вынужден считать Швецию невоюющим союзником Третьего рейха, со всеми вытекающими последствиями.

Два дня шведы тупо отмалчивались, а на третий день отклонили ультиматум. Наш комиссар рассказывал, что в прошлую мировую войну англичане выдвигали нейтралам – то есть Дании, Норвегии и Швеции – условия и посерьезнее, и те под страхом полной блокады или даже военного вторжения выполняли поставленные условия по прекращению снабжения Германии военными материалами и продовольствием. Тогда была война империалистическая, несправедливая и захватническая, где правых и виноватых не было, так как буржуазия жаждала для себя новых прибылей – как от расширения рынков сбыта, так и от военных заказов. А чем хуже СССР, подвергшийся внезапному неспровоцированному нападению фашистской Германии и желающий сделать так, чтобы на его землю больше никто никогда не напал? Тем более что пока мы сражались и умирали, пока от голода и болезней во вражеской блокаде гибли мирные ленинградцы, шведские буржуи наслаждались в комфорте своим нейтралитетом, получая огромные прибыли от торговли с людоедским гитлеровским режимом.

Поэтому в отношении Шведского королевства нашим Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным была разработана операция «Цефей» – по быстрому захвату не только Швеции, но и всей территории Скандинавии. В состав Особого Балтийского фронта, командующим которого стал генерал-полковник Говоров, помимо нашего Корпуса морской пехоты особого назначения, входили 44-я, 32-я, 7-я, 23-я, 21-я армии вместе с частями усиления – всего четыреста пятьдесят тысяч штыков, четыреста танков и шесть тысяч орудий и минометов. Войска фронта в полтора раза превышали численность шведской армии в живой силе, в несколько раз по артиллерии, танкам и авиации. При этом надо отметить, что основная группировка шведской армии находилась в южной Швеции, а в самой столице оставались лишь один пехотный и один кавалерийский гвардейские полки (несшие охрану королевского дворца),

¹² Местная корректируемая реплика ОДАБ-1500, применяемая со специально оборудованных бомбардировщиков: советского Ту-2 и лент-лизовского В-25 «Митчелл».

артиллерийский полк и штаб военного округа. И все это дислоцировалось на территории гвардейских казарм...

На момент начала операции войска фронта были сосредоточены на исходных позициях: наш Корпус морской пехоты и 44-я армия – на Аландских островах, на расстоянии часа хода на СВП. Успех Гельсингфорской операции повлек за собой увеличение выпуска этих весьма полезных десантных средств, и теперь весь корпус мог десантироваться одной волной вместе со средствами усиления, включающими танки и самоходную артиллерию. Вслед за нашим Корпусом должна была начаться переброска стрелковых подразделений 44-й армии. Силы у шведов не такие уж и маленькие, и потому важно было наращивать наши силы на плацдарме быстрее, чем противник будет перебрасывать свои части к столице.

Следом за нами должны были идти тральщики Балтфлота, расчищающие фарватер. А уже за тральщиками – весь Балтийский флот, эскортирующий транспорты с войсками. Частью транспортные пароходы были нашими, советскими, которые удалось укрыть от германского нашествия в Кронштадте и Ленинграде. Приняв на борт части 23-й и 21-й армий, они вышли в поход из Таллина. Другие транспорты были трофейными, финскими, и вышли они из Турку и Гельсингфорса с частями 32-й и 7-й армий.

Расчет операции строился на том, что провести ее нужно, пока стоит тихая осенняя погода. Ведь вскоре начнутся проливные дожди с сильным ветром, и тогда воплотить задуманное будет невозможно.

Начало шло как по нотам. Рано утром шведскую столицу разбудил шум нескольких сотен авиационных двигателей. Это на большой высоте к городу подходили бомбардировщики Ту-2 и Б-25 «Митчелл». «Тушкиам» предстояло атаковать управляемыми тяжелыми бомбами береговые батареи, боевые корабли на рейде и военные объекты в столице, а «Митчеллы» тащили на буксире десантные планеры и несли в бомбоотсеках разовые бомбовые контейнеры, снаряженные не осколочными или кумулятивными мини-бомбами, а агитационными материалами, то есть листовками. Надо было при минимальных жертвах добиться максимального успеха.

Если бы город подвергся ковровому бомбовому удару, то шведы, возможно, сопротивлялись бы яростно. А так на их головы сыпались листовки, в которых говорилось, что советское командование гарантирует мирным жителям полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества. Естественно, на тех, кто будет оказывать сопротивление, подобные гарантии не распространяются.

Горожане весьма впечатлились зрелищем пылающих гвардейских казарм и обломками затонувшего прямо у причала в порту броненосца береговой обороны «Густав V». В корабль попало несколько бомб, и он превратился в кучу искореженного металла. Это лишний раз подтвердило старую морскую традицию – не называть корабли именами еще живых людей.

Кстати, сам шведский король, имя которого и носил броненосец, бежал из дворца, направившись в Стокгольмский аэропорт Бромма, где его ждал личный самолет. Похоже, он собирался бежать в Германию, так как этот самолет никуда больше долететь не мог¹³.

Сначала шведские солдаты – те, что не погибли под бомбами – оказывали нашим ожесточенное сопротивление. Но потом сказалась разница в вооружении и в боевом опыте (которого у шведов напрочь отсутствовал и который не заменить никакими учениями), а также в боевом духе – а уж его-то у бывших защитников Ленинграда имелось куда больше, чем у шведских солдат. В результате через час после начала операции мы оттеснили от набережных части шведской армии, взяв первые трофеи и первых пленных. Трофеями оказались полевые пушки тысяча восемьсот лохматого года, до сих пор находившиеся на вооружении шведской

¹³ Полковник Маргелов ошибается. На пассажирском DC-3 вполне можно долететь до Берна, а уже оттуда до Испании, и далее до Африки. Но по большому счету он прав, потому что без разрешения германской ПВО благополучное завершение этого полета выглядит проблематичным, да и остаться нейтральным на этой войне, продолжая стричь купоны с обеих сторон, теперь становится невозможным.

армии, а пленные выглядели так, будто до сих пор не проснулись. Шведские танки оказались на уровне нашего Т-26 или германской «двойки», и их броню с легкостью дырявили даже штатные «сорокопятки» пехотного ПТО. Это было на земле, а в воздухе шведских самолетов мы считай что и не видели вообще. Можно сказать, день удался...

Тем временем шведский король, несмотря на всеобщую сумятицу, все же добрался до аэропорта, где сразу попал в руки наших десантников, захвативших аэропорт и ВПП посадочным способом. Наверное, потому мы и не видели шведской авиации в воздухе – большая часть этой сборной солянки из устаревших немецких, американских, французских, английских и итальянских самолетов оказалась просто небоготовой и не смогла подняться в воздух. А если бы даже они и поднялись, я бы им не позавидовал, так как нашей авиации в воздухе было более чем достаточно, ведь после захвата аэропорта туда перелетел один истребительный полк, сразу взяв под охрану небо над Стокгольмом.

Повторилась Гельсингфорсская история. Когда в порту с кораблей стала высаживаться обычная советская пехота, дело было уже в основном сделано. Высадившийся в Стокгольме корпус морской пехоты вытеснил продолжавшие сопротивление шведские части за пределы столицы, а также захватил и интернировал короля и шведское правительство. После этого всем заинтересованным игрокам в мире стало ясно, что международная обстановка еще раз резко поменялась. Впрочем, Германия не могла помочь погибающему Шведскому королевству ни одним солдатом, танком или самолетом, потому что в эти осенние дни на Северной Украине погибала в «котлах» группа армий генерала Дотлера, а наступление советских танков казалось стремительным и неумолимым. Разрыв фронта шириной в триста километров от предгорий Карпат до Припятских болот с ненасытным аппетитом поглощал все доступные германскому командованию резервы, включая и спешно формируемый фольксштурм. Когда до деятелей в Берлине дойдет, что Швеция – это тоже серьезно, все будет закончено, и что-либо изменить уже не получится...

Часть 22-я. Тень инферно

10 октября 1942 года, 12:45. Третий рейх, Бавария, резиденция Гитлера «Бергхоф».

Адольф Гитлер и Генрих Гиммлер стояли у большого окна. Перед ними открывался прекрасный вид на Зальцбург, долину Берхтесгаден (в наше время модный горнолыжный курорт) и гору Унтерсберг, за которой лежала родина Гитлера Австрия, а нынче провинция Третьего рейха Остмарк. На эту прекрасную панораму, полную монументального величия гор, золотая осень уже наложила желто-красные оттенки благородного увядания, и созерцание этой красоты могло бы просветлить и умиливать не одну жестокую и черствую душу.

Но эти двое, что обсуждали у окна свои черные дела, душами не обладали. Души свои они отдали в залог Князю Тьмы за власть и право творить любые злодеяния. Так же поступили и их единомышленники, из которых и образовалась нацистская партия Германии и орден СС – организации, служившие в этом мире злу в чистом виде. Отсюда и человеконенавистническая идеология, и массовые убийства безоружных, и планы уничтожения целых народов и даже рас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.